

Кендалл Калпер
Соль и шторм
Серия «Колдовская сила (АСТ)»
Серия «Соль и шторм», книга 1

текст предоставлен издательством "АСТ"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17354862
Кендалл Калпер. Соль и шторм: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-088242-7

Аннотация

Эвери Роу хочет – как все женщины в ее роду – заниматься магией и творить заклинания, которые охраняют остров и отплывающих с него моряков. Но мать почему-то удерживает ее вдали от всего этого и заставляет вести скучную, размеренную жизнь, в которой нет и намека на волшебство. Эвери часто видит один и тот же кошмарный сон, предвещающий несчастье. Она пытается разгадать загадки, которые опутали ее как рыболовные сети, пытается спасти себя и обрести истинное могущество. Но чем ей придется пожертвовать на этом пути – настоящей дружбой, первой любовью, верой в себя?

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Кендалл Калпер

Соль и шторм

Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company, New York, New York, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © by Kendall Kulper, 2014

© Е. Шолохова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть 1

Секреты китобоев

Глава 1

Вопреки стараниям матери, тот день, когда бабушка научила меня управлять ветрами, навсегда врезался в мою память. Случилось это десять лет назад. Остров Принца в те времена был не просто скалистым утесом в Атлантическом океане. В его доках теснились корабли, фабричные печи беспрерывно выбрасывали в воздух клубы густого черного дыма, а в местных пабах, откуда то и дело выходили подгулявшие моряки, царило веселье.

Тогда жители нашего острова чтили мою бабушку. Дорогу к ее дому знал каждый, будь то мужчина, женщина или ребенок. Еще бы! Ведь от нее подчас зависели их жизни.

Но и в лучшие времена местный пастор с лицом, похожим на сушеное яблоко, в поведеньях настраивал прихожан против бабушки и ее магии. «Иметь с ней дело, – восклицал он, грозно потрясая кулаком, – то же, что якшаться с дьяволом!» Люди смиренно кивали, поджав губы, но чуть что – все равно шли к ней.

Какой-нибудь парнишка, обычно совсем еще юнец, просил у бабушки амулет верности. Разлука с любимой волновала его куда сильнее, чем предстоящее плавание, которое могло продлиться не год и не два. Бабушка в таком случае требовала принести с дюжину волосков возлюбленной и его собственную прядь, а затем вместе с водорослями сплетала их в браслет.

– Надень его девушке на запястье, – говорила она пареньку. – И девушка останется тебе верна.

Частенько молодой человек хмурился, держа в руке такую хлипкую вещицу, вес которой едва ощущался на ладони.

– Вы с ума сошли! Эта штука разлетится в один миг. И что тогда станет с моей Сью?

– Не было такого ни разу, – отвечала бабушка. – Ни с одним из моих амулетов.

Он все еще хмурился, но прятал вещицу в карман. А позже, примерив ее на руку возлюбленной, говорил: «Это на память обо мне». Но каждая женщина острова знала, что в действительности означает такой подарок. К слову, эти браслеты и вправду никогда не рвались, не рассыпались и даже не теряли со временем цвет, ну а девушки хранили верность. На паренька действие бабушкиного амулета, конечно, не распространялось.

Мужчины постарше, капитаны кораблей и судовладельцы, чем только не одаривали бабушку. Они привозили ей белый сахар в хрустящей обертке, фрукты – да такие, что глаз не отвести, рулоны материи, гладкой и мягкой, словно кожа.

«Дары Калеба» – называли они свои подношения. Все потому, что много лет назад, когда бабушка была еще молодой, капитан по имени Калек Свини отнесся к ней пренебрежительно и не подарил ей ничего, хотя и оставался на острове в течение нескольких месяцев, пока его судно ремонтировали. А через несколько дней после того, как корабль спустили на воду, до нас дошли вести, что он попал в шторм, налетел на скалы и разбился вдребезги. Обломки дерева да клочья ткани – вот и все, что от него осталось.

Местные сокрушались – столько месяцев тяжелого труда насмарку! – и, главное, беспокоились, как бы не пострадала их репутация кораблестроителей. Впрочем, и по сей день любому на Восточном побережье известно, что нет ничего прочнее гвоздя, вбитого на острове Принца, так что тот случай нисколько им не повредил. В то время о бабушке говорили, что она умеет управлять штормом и лучше с ней жить в мире.

Не только мужчины знали дорожку к моей бабушке. Женщины обращались к ней не реже. Обычно они просили защитить мужей, когда те отправлялись в море. А бывало, что и наоборот. Случались даже казусы: как-то к бабушке пришла разгневанная женщина и посулила ей что угодно, лишь бы судно потерпело крушение и некоего Клоренса Олдрича утянул на дно гигантский кит. Загвоздка была в том, что бабушка уже изготовила для Клоренса особый талисман из перышек крапивника. А этот амулет обладал большой магической силой и не позволил бы ему утонуть.

Сейчас бабушка, возможно, попыталась бы успокоить женщину и убедить, что Клоренс не заслужил такой участи. Но тогда она чаще принимала деньги и произносила заклинания, при этом говоря себе, что у несчастного Олдрича все же есть шанс спастись, прежде чем его настигнет кит.

Это были самые простые приемы, совсем несложные амулеты и незначительные заговоры, за которые люди расплачивались едой или товарами, а бабушка могла жить вполне безбедно. «Это все мелочи, – говаривала она. – Практически ничего не стоят, а сделать их проще простого».

Совсем другое дело – приручение ветров. Только самые богатые судовладельцы могли себе это позволить. Они засылали к ней своих капитанов с деньгами и указаниями. Деньги бабушка принимала охотно, указания – не слишком. «Ветра переменчивы, работать с ними сложно, и требуются огромные усилия, чтобы их связать и приручить. А тут еще всякие дураки каждый раз заводят одну и ту же песню...»

Капитаны были дерзкими и гордыми, они знали о ветрах и волнах не хуже птиц и рыб, однако в ответ на ворчание молчали, хотя наверняка это давалось им непросто. По крайней мере, я не знаю ни одного, кто бы сорвался и наговорил лишнего, как бы ни кипела в нем кровь. «Это все магия», – уверяла бабушка. Но я всегда считала, что капитаны просто готовы вытерпеть что угодно, лишь бы приручить ветер.

Таких посетителей, охотников за ветрами, она выставляла за порог и велела не приходить, пока ритуал не будет завершен. Как-то один капитан, явно чужестранец, пожелал остаться и понаблюдать за обрядом. Но бабушка заметила, что предпочитает действовать в одиночестве. Тогда он устался на меня, ее внучку, шести лет от роду. Я сидела в самом углу комнаты и, сощурившись, пристально глядела на него. Впрочем, если он что и подумал, то вслух этого не высказал. Мне хотелось, чтобы он поскорее убрался прочь. Дом моей бабушки – это особый мир, который принадлежал только нам двоим, ей и мне. Ну еще, возможно, в нем нашлось бы место матери, если бы та захотела. Остров Принца процветал на протяжении поколений – и все лишь благодаря магии женщин Роу, так что капитану стоило бы проявить учтивость, а не совать свой нос куда не следовало. Я нахмурилась и, пока он не вышел, так и сидела насупившись.

Бабушка прошла вглубь дома. Там, в изножье кровати стоял огромный черный сундук. Тяжелый, громоздкий, он был чуть ли не древнее самого дома, насколько я знала. Одна из Роу привезла его с собой на остров много лет назад, в нем хранились разные магические предметы. С тех пор в нашей семье сундук передавали от матери к дочери. Вот только бабушка оставила его у себя, хотя он должен был достаться моей матери. Я же ни разу, ни одним глазком не заглянула под увесистую крышку, да мне и не предлагали. А ведь всю жизнь, сколько себя помнила, спала рядом с ним.

Я сидела в углу и слушала, как длинные бабушкины пальцы бережно перебирали вещицу за вещицей, пока, наконец, она не вытянула оттуда белую веревку толщиной с мизинец и длиной приблизительно с мою руку.

– Вот, Эвери, – проговорила бабушка, усаживаясь в свое кресло. Я тут же подбежала и вскарабкалась к ней на колени. Она обняла меня. Руки ее были теплыми, а от одежды пахло травами и древесным дымом. Я засмеялась и принялась ловить конец веревки, которую она

выудила из сундука, но бабушка, хоть и держала ее вроде бы некрепко, всякий раз успевала отдернуть.

– Не трогай ее, детка, – попросила бабушка, целуя мои волосы. Ее теплое дыхание щекотало затылок. – Дай мне свои руки.

Я протянула ладони и поймала бабушкины руки, чистые, сухие, с тонкими голубыми венками, похожими на ветви деревьев. Кончиками пальцев пробежала от запястья до костяшек, оставляя чуть заметные следы на ее коже.

– Хочешь фокус? – спросила она, касаясь губами моей щеки.

Веревка туго обвила ее пальцы, поблескивая в свете лампы так, словно была сплетена из паучьего шелка. Бабушка еле заметно шевелила губами, но я не слышала ни звука, кроме ее прерывистого горячего дыхания. Я замерла, глядя на нее во все глаза. Снаружи вовсю гулял ветер, издавая протяжные стоны и дребезжа оконными стеклами. Внезапно прямо у двери раздался грохот, такой сильный, что я испуганно дернулась, вглядываясь туда, откуда послышался шум. Бабушка нежно притянула мою голову к своей щеке.

– Это фокус, – повторила она чуть слышно. – Смотри на веревку.

Веревка... Она дрожала и трепетала... В то же время руки бабушки оставались неподвижными.

Ветер усилился, завыл так пронзительно, словно ему было больно, но я не сводила глаз с натянутой веревки, напоминавшей теперь гитарную струну.

– Бабушка? – прошептала я. Мое сердечко сжалось, ладони вспотели, кончики пальцев подрагивали. И тут я почувствовала, как сквозь пальцы, кожу, кости в меня проникает неведомая сила. Проникает глубоко, наполняя каждую клеточку, хватая и раздирая, будто разыгравшийся кот рвет моток с нитками.

Из глаз хлынули слезы, я хотела вырваться, но не смогла пошевелинуться, словно превратилась в камень. Бабушка молчала. Меж тем ветер бушевал все неистовее, казалось, еще немного – и оконные стекла разлетятся вдребезги и тогда свирепый вихрь ворвется в дом и доберется до нас, до меня. Я шумно выдохнула, но вдохнуть... не смогла. Ни глоточка воздуха – чья-то невидимая рука сжала мне нос и рот, как будто я тонула и задыхалась.

«Бабушка!» – прохрипела я, из последних сил дергая веревку, что вертелась у нее между пальцев. Ветер с размаху колотился в окна, истошно выл за дверью, как дикий, обезумевший зверь.

Вдруг все рамы распахнулись. Я зажмурилась, чувствуя, что ветер набросился на меня. Он царапал щеки, вздымал волосы. Бабушка тут же принялась быстро и ловко перебирать веревку пальцами, туго затягивая узелки. Мои руки теперь лежали поверх бабушкиных и повторяли каждое движение, словно я была марионеткой. Я с трудом вдохнула и закричала так громко, так пронзительно, что, казалось, с этим криком вырвалась и навсегда исчезла частичка меня, растворилась в вихре. Мой вопль слился с воем ветра.

– Тс-с-с... Тише, милая, скоро все закончится...

Бабушка обняла меня за плечи, я заметила, что в руках у нее уже ничего нет, и зажмурилась. Потом икнула и наконец смогла вдохнуть полной грудью. Открыть глаза сразу не решилась, так и продолжала сидеть, зажмурившись и крепко прижав стиснутые кулаки к груди, но вскоре поняла, что ветер в самом деле умолк. В доме было тихо и прохладно.

Я осторожно разомкнула веки и осмотрелась. Все тело ныло, как если бы я хорошенько потрудились. Впрочем, то было лишь напоминанием о боли, которая пронзала меня и рвала изнутри и затем внезапно стихла.

– Мне это не понравилось, – я посмотрела на бабушку. – Мне было больно.

Сначала показалось, что бабушка меня не слышит. Дышала она тяжело, лицо ее посерело, веки подрагивали. Я нахмурилась. Вообще-то такой я видела ее не раз, обычно после каких-нибудь серьезных заклинаний.

– Бабушка? – я коснулась ее лица. Она вздрогнула, откинула голову назад и... засмеялась. Затем положила ладони мне на грудь, и я почувствовала, что от ее рук исходит и наполняет меня неведомая сила.

– Все хорошо, дорогая, – прошептала она дрожа. – Ничего, что больно. Так и должно быть.

Тут я увидела веревку и потянулась к ней, поглядывая на бабушку. На этот раз она позволила взять ее в руки. Я ухватила за один конец и протянула веревку между пальцами, ощутив на ней три тугих узла.

– Что это ты сделала? – спросила я, показав на узелки.

Странное дело: когда я их сдавливала посильнее, то казалось, что внутри каждого что-то гудит и постукивает...

– Не я сделала, а мы, – поправила бабушка, забирая у меня веревку. – Каждый узелок – это ветер. Развяжи первый – и вот тебе легкий бриз. Второй – уже посильнее. А самый мощный – третий. Развязать его – значит выпустить на волю ураган, да такой ужасный, что ты даже представить себе не можешь.

– Но зачем кому-то вызывать ураган? – спросила я, склонив к ней голову.

Бабушка повела бровями.

– Я не спрашиваю, дорогая, – сказала она. – Ты запомни, у людей могут быть разные причины, это уже не наше дело.

– А я смогу сделать то же самое сама?

– Чуть позже, детка. Вот станешь немного постарше, и я все тебе объясню. А пока ты можешь мне помогать.

Она нежно взъерошила мои волосы, а у меня сразу потеплело в груди, стоило только представить, как я стану старше и бабушка всему меня обучит.

Потом она поднялась с кресла, немного постояла и, прихрамывая, медленно направилась к черному сундуку, словно заклинание лишило ее легкости и силы. С трудом доковыляв до сундука, бабушка прислонилась к стене, едва переводя дух.

Я следила за каждым ее шагом, готовая тотчас сорваться с места, если вдруг ей станет совсем плохо или она упадет. Такое иногда случалось после подобных обрядов. Бывало, бабушка и подняться не могла, а случалось, что и падала, сотрясаясь в страшных судорогах. Тогда я подкладывала ей под голову подушку и отодвигала подальше стол и стулья. В такие моменты бабушка кричала так, что я невольно затыкала уши. Правда, об этом я потом ей не рассказывала. Но на этот раз она выглядела не так уж плохо. «Наверное, все потому, что я ей помогала», – решила я.

Бабушка подняла крышку сундука и хотела было положить туда веревку, как вдруг остановилась и посмотрела на меня.

– Подойди, детка, загляни сюда, – предложила она, и мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Затаив дыхание, я робко подошла к сундуку. Бабушка ухватила меня и притянула ближе. Глаза мои, наверное, чуть на лоб не вылезли – столько всего удивительного там водилось! Бечевки, перья, камни и всякие другие предметы, которые кому-то могли показаться самыми обычными и ничем не примечательными, но для меня были дороже любых сокровищ. Ведь каждая из этих вещей – частичка бабушкиной магии.

Под амулетами я разглядела какие-то бумаги: записи, причем довольно странные, схемы, рисунки. Что в них начертано, я не понимала, однако была так зачарована, будто они уже были моими.

Я внимательно изучала содержимое сундука, хранившего историю всех женщин семьи Роу – историю их жизней, сложных, необычных и чаще всего недолгих. Этого казалось так мало. Они столько сделали для нашего острова и так немного оставили после себя!

Так уж повелось, что женщины из нашей семьи едва доживали до сорока – а точнее, до тех пор, пока не подрастали их дочери, которых можно было наделить даром.

– В этом сундуке – память обо всех поколениях Роу, – прошептала бабушка. – Все, что мы когда-либо узнали или создали сами. И переходит он от матери к дочери еще со времен самой первой из семьи Роу. Моя бабушка передала его моей матери, моя мать – мне, а я когда-нибудь передам его тебе. Ты – одна из нас.

Бабушка наклонилась и поцеловала меня. Удивительно! Одна из нас... Она говорила не просто о семье Роу – о ведьмах острова Принца. А во все времена на острове могла быть только одна ведьма. Моя мать тоже могла бы ею стать, но занималась магией только бабушка.

– Все это будет твое. Понимаешь, Эвери? – ее слова вывели меня из раздумья.

Конечно, я понимала! Это я буду следующей после бабушки ведьмой Роу – не мама, а я!

Я кивнула, и бабушка крепко обняла меня, обволакивая запахом дыма. Вспомнилась мать. Едва мне исполнился год, она покинула нас, потому что не хотела становиться ведьмой. Из-за этого бабушка была вынуждена заниматься магией гораздо дольше, чем положено, что сильно ее изматывало. Она слабела, заклинания давались все труднее, и местные даже стали о ней тревожиться.

Я должна была по праву занять место ведьмы и вернуть те славные деньки, когда все на острове жили в достатке и согласии. Должна была, но... не успела. Бабушка даже не начала учить меня магии, когда за мной вернулась мать.

Случилось это через несколько дней после моего двенадцатого дня рождения. Как я ни упиралась, как ни плакала, из домика в скалах мать увезла меня в Нью-Бишоп, самый большой город в северной части острова. А уж о том, чтобы становиться ведьмой, даже думать запретила – строго-настрого.

И все равно я всегда знала, что когда-нибудь сбегу и вернусь в бабушкин дом. Это лишь вопрос времени. Дни складывались в недели, месяцы, годы, но я не слишком тревожилась – просто ждала своего часа. Ждала, когда пора настанет.

Меня ничуть не взволновало объявление о помолвке матери, а затем и ее замужество. Избранником ее стал один из богатейших жителей острова.

После свадьбы мы переехали в его дом, но для меня ничего не изменилось, – я лишь перебралась из одной тюрьмы в другую. Ни малейшего внимания не обращала я на то, что мать вдруг принялась наряжать меня в шелк и атлас и выводить на люди, словно призового пони. Я старалась не думать обо всех этих приходских пикниках и чаепитиях, где мать без устали разглагольствовала о милосердии, послушании, общественном благе и добродетели так, будто исходили эти идеи от меня. «Пусть делает, что хочет, – думала я. – Пусть воображает, что удастся воспитать меня такой, как она мечтает, – истинной леди, богобоязненной и кроткой». Мне не было никакого дела до всех этих глупостей. Я должна быть и буду ведьмой Роу. Это мой долг, моя судьба, и никто, даже мать, не сможет этому помешать.

Я знала, без ведьмы на острове Принца жилось тяжело, неудачи и беды сыпались одна за другой, но все же рассчитывала, что местные не осудят меня слишком строго. Надеялась, что жители нашего острова понимают – я не отказывалась от своего призвания и не хотела обмануть их ожидания... Если бы не мать! Если бы она в свое время не отреклась от магии или же, поняв, что я не повторю ее ошибок, просто оставила меня у бабушки, жизнь на острове шла бы своим чередом. Все сложилось бы иначе, не будь она так помешана на семейных ценностях и морали, а также на стремлении сделать из меня безупречную леди. И если кого и стоило обвинять в том, что сейчас дела на острове шли из рук вон плохо, – так это ее, а не меня.

Глава 2

До шестнадцати лет я продолжала жить с матерью, словно пленница. Но однажды ночью мне приснилось, будто я не человек, а кит. Я неспешно плыла, то погружаясь на самое дно, то поднимаясь над гладью океана. Сквозь толщу воды серое предзвездное небо казалось почти невидимым. А затем надо мной появилось темное пятно, тень – лодка, которая направлялась в мою сторону. Люди на ее борту угрюмо молчали, их лица были мрачными, даже хищными. Я повернулась, чтобы разглядеть их получше, как вдруг меня пронзила острая боль. «Гарпун!» – пронеслось в голове. И тут я увидела, как один человек воздел над плечом тяжелое, стальное копье и прицелился, готовясь его метнуть. Нырнув, я устремилась в самую глубину. Океан стал вдруг холодным и темным, воды сжимали бока будто тисками. Как бы я ни старалась уйти, меня крутило и выталкивало наверх. Я поняла: они привязали меня к лодке и, затянув потуже веревки, пытались вытянуть из воды.

Зная, что в таких случаях плыть бесполезно, но обезумев от страха и боли, я рвалась вперед, рассекая волны и волоча за собой тяжелую лодку. Я плыла, пока силы не оставили меня – силы, которые стоило бы приберечь, чтобы вступить в схватку с людьми. Но теперь я лишь беспомощно трепыхалась в воде.

В отчаянии я бросилась в атаку, но они оказались быстрее: копье снова вонзилось в бок и на этот раз вошло совсем глубоко. Веревки тянули меня все ближе к лодке. Солнце взойшло, и я видела, как ножи сверкнули в его лучах. Люди целились не в сердце и не в мозг. Первый удар поразил легкое. Воздух тут же стал ледяным, и мои легкие наполнились водой и кровью. Они, не останавливаясь, били меня снова и снова. Из каждой раны струилась кровь.

Я судорожно хватала ртом воздух, но казалось, что я втягиваю его в себя через мокрый мешок. При каждом вдохе кровь, смешиваясь с водой, хлестала фонтаном и медленно оседала красным облаком, оставляя на губах соленый привкус морской воды и крови. И в тот миг, когда мои глаза почти закатились, я увидела летящий в меня огромный кривой крюк размером с человеческую голову. В свой последний вопль я вложила все силы и... проснулась, вся мокрая от пота.

Я действительно кричала и едва могла дышать. Сон был таким живым и ярким, словно все происходило на самом деле. Даже убедившись, что лежу в собственной кровати, а все вещи в спальне находятся на привычных местах, я все равно никак не могла успокоиться. Дыхание сбилось, а сердце, казалось, выпрыгивало из груди. Я вновь сомкнула веки, прижала к ним кончики пальцев и сдавила так, что в глазах заребрило от ярких бликов. Нет, волнение не проходило. Тогда я вскочила с постели и подошла к окну. Распахнула обе створки и, прислонившись щекой к раме, жадно втягивала стылый воздух. Влажные волосы прилипли ко лбу. Легкий ветерок приятно охлаждал разгоряченную кожу. Отчего-то болела грудь, особенно слева, возле сердца.

В лунном свете город казался серебристо-серым. Тишину и безмятежность нарушали редкие трели ночных птиц и шелест волн – наш дом стоял всего лишь в двух минутах ходьбы от океана. Я дотронулась до ребер и снова вспомнила китобоев из моего сна, их ножи и гарпуны...

Ночной кошмар. Это был всего лишь ночной кошмар! Любая шестнадцатилетняя девочка только посмеялась бы и как ни в чем не бывало отправилась спать дальше. Любая, но не я, и сон мой был не просто случайным мороком.

Каждая из Роу с самого детства имела свой особый дар, помимо магии воды, который проявлялся с детства и выделял ее среди других женщин рода. Бабушка, к примеру, всегда безошибочно улавливала чужие чувства и легко могла усмирить самые пылкие страсти.

Мать, по иронии судьбы, была сильна в искусстве приворота. В юности она даже продавала амулеты, обещавшие человеку любовь хоть на день, хоть на год, а хоть и на всю жизнь.

Я же умела разгадывать сновидения и понимала, какие события они предвещают. Поняла и на этот раз. Впервые в жизни подумалось, что я могу и не стать ведьмой. Попросту не успею, потому что я сознавала, что означает быть во сне китом, пронзенным гарпунами, и захлебываться собственной кровью.

Меня должны убить – вот какое пророчество крылось за моим ночным кошмаром. А я никогда не ошибалась.

Глава 3

Меня охватил безотчетный, дикий ужас. Я должна бежать, бежать прямо сейчас! Должна вернуться к бабушке!

Я открыла платяной шкаф, отшвырнула в сторону сложенные в аккуратную стопку теплые зимние вещи. На дне имелось секретное отверстие размером с мужской башмак. Надо было подцепить пальцем дальний левый уголок доски и затем приподнять. Там я нащупала свои «сокровища», и по телу пробежала дрожь. Вот они – гладкие камушки, горстка земли в носовом платке, одно птичье яйцо, пустое и хрупкое. Мой тайник – совсем как бабушкин сундук, только без магии.

Я продолжала шарить в хранилище, пока не нашла небольшой кусок ржавой, изогнутой проволоки, какой обычно обматывают столбы у заборов. Моряки утверждали, что именно она надежно защищает от разных бед, поэтому я осторожно обмотала ею запястье, запачкав пальцы ржавчиной. «Это должно сработать», – внушала я себе, прекрасно понимая, что без нужного заклинания я всего лишь девчонка с обвязанной проволокой рукой.

План побега возник сам собой, простой и верный: спуститься в кухню, оттуда проникнуть на задний двор, затем пробежать вниз по переулку, обогнуть город и выйти к пляжу, вдоль которого надо держать курс прямо на юг.

Карта мне не требовалась, с малых лет я вдоль и поперек исходила наш остров, что встал на якорь в сорока милях к востоку от Массачусетса.

Сверху остров Принца похож на вытянутую запятую – крошечная запинка перед бесконечным открытым океаном. Я представляла, что дом моей матери находился на северо-востоке этой запятой, мне же предстояло идти вдоль побережья вниз, на юг, к ее «хвосту», там, где в разломах скал укрылся дом моей бабушки.

Путь предстоял неблизкий, больше семи миль. Однако за городом можно будет считать, что я выбралась на обычную прогулку, не лишенную приятности. Справа – одни лишь бескрайние луга, слева – океан, и больше ничего. А когда песчаная тропа вдоль берега станет темной и твердой, а ближе к скалам и вовсе каменистой, когда справа от меня протянется голая изрезанная земля, я увижу дом моей бабушки. К тому времени как раз забрезжит рассвет. Дом, розовый в лучах восходящего солнца, окутает плотный туман, а с берега будет доноситься вкрадчивый шепот волн. Бабушка, конечно, будет спать, устав за день от нескончаемого потока просителей, а я переступлю порог, разбужу ее и скажу: «Вот я и дома!»

Затаив дыхание, я представила этот чудесный миг, затем взяла из шкафа плащ. «Сбегу сегодня же ночью», – решила я. Мне и самой с трудом в это верилось, поэтому повторила вслух:

– Сбегу сегодня же ночью.

Сжимая плащ в руке, я сделала шаг, всего один шаг, и колени подогнулись.

«Нет!» – взмолилась я, еле устояв на ногах. Сжав проволоку на запястье, я страстно пожелала, чтобы она стала настоящим магическим амулетом, который сможет меня защитить. Еще раз шагнула и... упала, больно ударившись коленями и локтями. Перед глазами поплыли разноцветные искры, а затем меня словно накрыла мгла. Снова затягивало в сон. Руки и ноги онемели.

Как же я разозлилась на себя! Вот дура! С чего вдруг я решила бежать непременно этой ночью? Четыре года пыталась вернуться к бабушке, но, точно повязанная невидимой нитью, не могла вырваться от матери.

Это она наложила на меня заклятье! Моя мать! Она твердила навсегда бросила магию, потому что это страшный грех. Однако не постеснялась прибегнуть к колдовству, чтобы привязать меня к себе! Лицемерка, лгунья, мошенница... Ненавижу ее, ненавижу, ненавижу!

Распластавшись на ковре, я лежала неподвижно. Взгляд словно застыл, а затем против моей воли глаза медленно закрылись. Сердце сжималось от разочарования и страха. Сила материнского заклинания не давала ни пошевелиться, ни приподнять веки. Но внутри все клокотало от ярости.

В конце концов я пришла в себя. Состояние было прескверное: кости ломило, суставы ныли, в голове – ни единой мысли. Руки затекли, а проволока врезалась в запястье и оставила глубокий след.

Месяц назад я точно так же очнулась на полу после неудачной попытки побега. Щеки пылали. Медленно, с большим трудом я заставила себя подняться. Потянулась. Растерла ноющие мышцы, убрала в шкаф проволоку. Попыталась разогнать туман в голове – и в ту же минуту на меня обрушились воспоминания: ночной кошмар, удушье, ножи, пробитые легкие, полные крови, а главное – значение этого страшного сна. Колени задрожали так, что пришлось ухватиться за дверцу шкафа, чтобы снова не упасть.

Меня собираются убить!

Даже днем эта мысль пугала ничуть не меньше.

Обычно я любила толковать сновидения и занималась этим с десятилетнего возраста, когда еще жила с бабушкой и помогала ей собирать все необходимое для талисманов, заодно изучая, какой материал лучше подходит для того или иного вида магии.

Моя бабушка – а в ней всегда была торговая жилка – неплохо зарабатывала на предсказаниях будущего. Особенно прибыльным это дело стало в годы войны, так как бабушкины амулеты оберегали мужчин в море, но от пуль защитить не могли.

Моя способность читать сны быстро стала известна по всему острову. Многие приходили даже не к бабушке, а к ее темноволосой внучке. Удивлялись: «От горшка два вершка, а по снам все скажет в точности – умереть тебе суждено или поживешь еще».

Я подозревала, что именно из-за этого мать тогда и примчалась, разъяренная как фурия. Помню, напоследок, прежде чем увести меня, она прошипела: «Ты превратила моего ребенка в предсказателя смерти!»

Бабушка ответила, что этот дар у меня с рождения, что я принадлежу этому месту и делаю то, что и должна, но мать еще крепче, до боли стиснула мою руку.

«Ну уж нет! Она рождена для большего, чем предрекать чью-то смерть!» – крикнула она.

Толковать сны она мне, естественно, запретила, но ей было невдомек, что я все равно продолжала заниматься этим в доках и тем самым зарабатывала себе на карманные расходы. В общем-то в этом не было особой нужды, поскольку новый муж моей матери слыл человеком весьма состоятельным и мог набить мои карманы монетами на несколько десятилетий вперед. Но, помимо прочего, мне надо было как-то избавляться от тягостного напряжения, которое день ото дня становилось все сильнее. Думаю, это магия томила меня изнутри и призывала действовать. Пареньки, да и мужчины постарше украдкой подходили ко мне, платили по доллару за сон, и я рассказывала, что ждет их в будущем.

Нередко людям снилось то, что на первый взгляд казалось бессмысленным и незначительным, как то: потерянный платок, прокисшая еда, солнечный ожог. Я же в этих мелочах распознавала ужасные вещи: мальчика, сжигаемого жаром, разбитую вдребезги лодку, тонущего человека. Видела болезни, несчастья, смерть.

Правда, в тех случаях, когда человека ожидала страшная участь, я, бросив что-нибудь вроде «плохи дела», предлагала вернуть деньги. Если бедняга упрямылся, спрашивала еще раз: «Ты действительно хочешь знать, что с тобой будет?»

Моя предприимчивая бабушка вряд ли поняла бы меня, но я считала, что так поступать честнее. Страшная смерть – это настоящее наказание, однако немногим лучше жить, осозна-

вая, что в любой момент с тобой может случиться беда, ожидать ее постоянно и раздумывать над каждым своим решением, каждым действием и словом – уж не оно ли станет роковым?

Порой люди предпочитали все-таки узнать правду, а порой – забрать доллар и остаться в счастливом неведении: «Будь что будет». Некоторые, выслушав предсказание, смеялись и заявляли, что все это – глупости и они не верят ни единому слову. Что ж, их право, в конце концов, это не моя жизнь. Другие, бывало, спрашивали, что можно сделать, чтобы избежать такой участи. Я пожимала плечами – что тут поделаешь? Это ведь судьба, ее не изменить. Затем поспешно убегала, пока им не пришло в голову потребовать назад свои деньги.

Слабый свет раннего утра озарил мою комнату, которая была, пожалуй, по размерам не меньше, чем весь бабушкин дом. Но к черту роскошь, я должна вырваться отсюда! Должна вернуться к бабушке. От волнения пальцы теребили пуговицы на дорогом, шитом на заказ платье. Таких у меня – полный шкаф, мать накупила. «Спокойно, без паники! – успокаивала я себя. – Буду нервничать – только хуже станет. Этот сон не может быть правдой. Никто меня не собирается убивать, потому что...»

Неожиданно ответ явился сам собой: никто не сможет убить ведьму из семьи Роу.

На острове каждый знает историю самой первой из нас, Мадлен Роу. Случилось это более века назад, когда она только прибыла на остров. Местные решили утопить Мадлен, но, когда разъяренная толпа приволокла ее к краю скалы, море вдруг вздыбилось. Поднялась гигантская волна, обрушилась на берег и смыла всех, кроме нее. Родственники погибших – скорбящие вдовы и моряки, обезумевшие от гнева, – явились к ней, чтобы отомстить, но сами не заметили, как спрятали свои ножи. Их ярость стихла, и они ушли, не причинив Мадлен никакого вреда. И с тех пор подобных случаев было немало – достаточно, чтобы понять: ведьму из семьи Роу убить невозможно.

Эти мысли принесли мне облегчение. Строго говоря, дар ко мне пока не перешел, поэтому защита не действовала, но теперь я знала, как поступить. Нужно только раскрыть секрет моей магии и стать ведьмой острова вместо бабушки. Невольно вырвался смешок – загвоздка как раз в том, что я понятия не имела, как это сделать, хотя постоянно пыталась – все четыре года, что жила с матерью. С того самого момента, как она забрала меня, я искала способ овладеть колдовством, но не продвинулась ни на йоту.

Вспомнился тот день... последний, когда я видела бабушку. Она стояла на пороге своего дома, тянула к нам руки, а мать тащила меня прочь. Бабушка не пошла за нами, не попыталась остановить мать, потому что напоследок та выкрикнула: «Только попробуй прийти за моей дочерью, и я вообще заберу ее отсюда навсегда!» Ни я, ни бабушка не ожидали таких слов, даже от нее, так сильно возненавидевшей магию. Как могла одна из Роу сказать такое?! Покинуть свой дом, свою землю, оставить единственный мир, который она знала! Нас бы потрясло не меньше, приставь она, скажем, к моей шее нож, настолько это было безрассудно и жестоко. Вряд ли бабушка (да наверняка и сама мать) всерьез верила, что можно увезти меня с острова, но рисковать не решилась бы, как никто не стал бы проверять, как далеко способна зайти спятившая женщина с ножом в руке.

Меня терзало отчаяние. Можно попробовать написать бабушке. Вот только если мать об этом узнает, она, возможно, и выполнит свою угрозу. Конечно, шаг опасный и даже глупый, но это, пожалуй, единственное, что спасло бы меня от смерти.

Я выскользнула из комнаты, пересекла холл и спустилась к парадной двери, стараясь идти как можно тише, хотя было еще слишком рано и все спали: и мать, и ее муж, и оба его мерзких ребенка. «Это твоя новая семья», – внушала мне мать.

Из всех неприятностей, которые мне довелось пережить по ее воле, «новая семья» стала самым тяжким испытанием. Поначалу, два года назад, я даже не поверила матери, когда она, вернувшись как-то вечером в нашу тесную обшарпанную квартирку, сообщила, что собирается выйти замуж за местного пастора Уильяма Сэвера, богатого вдовца с двумя

маленькими детьми. Пастора! Да у бабушки сердечный приступ случился бы, узнай она такую новость. Кроме того, отпрыски Сэвера были просто ужасны. Особенно Уолт, который развлекался тем, что мучил насекомых и подглядывал за мачехой, когда та принимала ванну. Шестилетняя Хэйзел тоже была далеко не ангелом.

Я не могла понять, зачем матери это замужество. Когда она только забрала меня, казалось, ее вполне устраивала скромная жизнь и работа прачки. Что же до пастора, то здесь и думать нечего – мать приворожила его. Конечно же она твердила, что сделала это исключительно ради меня, якобы должна была вытащить свою дочь из лачуги, насквозь пропахшей заводским дымом, от которого раздирал кашель; должна была обеспечить меня вкусной едой и мягкой, теплой постелью. Однако она и сама наслаждалась тем, что живет как истинная леди в огромном доме, в самом престижном районе города, который местные иронично называли «выше маяка». С тех пор как мы переехали к пастору, она неустанно повторяла, насколько лучше, комфортнее и безопаснее стала наша жизнь. Безопасность – мать особенно ее ценила.

Убить ведьму из семьи Роу нельзя, но избить до полусмерти – вполне. Именно это однажды случилось с моей матерью. В юности она была настоящей красавицей, просто на удивление прелестной. На острове о ее необычайной красоте говорили больше, чем о любовной магии, которой она владела. Высокая и изящная, она выделялась среди всех остальных местных девушек – низеньких, круглолицых, сероглазых и большеротых, с плоскими носами и спутанными волосами, жесткими как плетенная из водорослей циновка. По крайней мере, именно так выгляжу я.

Подробности этой истории мне неизвестны. Когда я пыталась расспрашивать бабушку, та лишь хмурилась, и губы ее сжимались в сердитую узкую полоску. Но по отрывочным рассказам местных, по слухам и шепоткам, кое-что прояснить удалось. Моей матери не было и двадцати, когда один полупьяный матрос едва не изувечил ее и напоследок полоснул ножом по лицу. Небольшое уточнение: это был мой отец. Он бросил мать, оставив ей после себя ребенка, уродливый шрам и жгучую ненависть к магии, которая не смогла защитить ее от изуверства этого скота, похоже, отнявшего у нее то, что делало ее и вправду особенной.

Я отворила ворота, стараясь не скрипеть, и свернула на Мэйн-стрит, которая пересекала Нью-Бишоп с севера на юг, а затем вела вдоль моря, повторяя извилистую линию северо-западного побережья. Если идти на юг, то слева простираются пляж и море, а справа громоздятся особняки, в которых живут местные сливки общества. Я шла, с опаской поглядывая на их окна. За мной вполне могли следить любопытные светские дамы, которых хлебом не корми, дай только посплетничать или же сразу прийти в дом пастора и доложить матери, что я делала и куда ходила. Мать завела целую армию шпионов по всему острову. И каждый, кто встретил бы девчонку Роу, разгуливающую по улице среди ночи, мог получить неплохое вознаграждение, если бы привел ее домой.

Постепенно особняки сменились домами поменьше и поскромнее, которые плотно жались друг к другу. Вместо живой изгороди и цветущих клумб в здешних дворах полоскалось на ветру выстиранное белье. Да и люди, несмотря на ранний час, уже торопились на работу. Они меня знали и кивали при встрече.

– Доброе утро, мисс Эвери! – поприветствовала меня женщина, прижимавшая к животу стопку сложенных простыней. Я пригляделась и узнала жену одного моряка, который ушел в плавание, да так и не вернулся.

Сложно сказать, как относились ко мне люди нашего острова. Мою бабушку они любили и уважали, мать – боялись, на меня же пока поглядывали с опаской. К сожалению, я ничем не могла им помочь, по крайней мере, пока.

Ряд домов поредел – я добралась до того района Нью-Бишоп, где потихоньку доживали свой век самые первые магазины города, открытые бог знает когда. На узкой улочке

ютились ветхие лавки галантерейных товаров; тесный салон модистики с заплесневелыми окнами; аптека, в витрине которой всегда стояли банки с разноцветными леденцами. Возле аптеки крутились ребятишки, с вожделием взиравшие на недоступное лакомство. Как-то бабушка тоже загорелась идеей открыть здесь собственный салон, чтобы морякам не пришлось сбивать ноги, добираясь до ее домика в скалах. Но, конечно, об этой затее пришлось забыть – последние четыре года путь в Нью-Бишоп ей был заказан.

В южной части города улица стала совсем узкой. Дома же поднимались все выше, теснились плотнее, заслоняя собой и небо, и океан. Дорога здесь была выложена булыжником, тротуар вымощен кирпичом. Проходя мимо маленьких ресторанчиков и ларьков с едой, я уловила запах кофе, такой сильный и дразнящий, что желудок свело. Повсюду раздавались веселые оклики работяг, которые запасались булочками с сахаром и медом, копчеными сосисками, исходившими паром вареными моллюсками в проволочных корзинках. Румяная жена пекаря, смеясь шуткам докера, заворачивала ему в газету горячий пирог, судя по запаху, щедро сдобренный корицей. Свой завтрак я пропустила, поэтому то и дело останавливалась, плотая слюнки.

Сразу за рядами с горячими завтраками начинался зеленый рынок. Проход, и без того узкий, был заставлен ящиками с подгнившими фруктами. Несмотря на ранний час, хозяйки, размахивая корзинками, уже всю сновали по рынку и ощупывали товар. Мужчины тем временем скучали у двери пока еще закрытой табачной лавки, которая фактически служила местом встречи китобоев. Многие внешне отличались от коренных островитян – по большей части невысоких, темноволосых и сероглазых. Сразу было видно – чужаки. Из вежливости их называли приезжими, а за глаза – «чайками». Впрочем, в китобойном промысле разбирались они ничуть не хуже местных. Обычно они занимались тем, что снаряжали вельботы, заключали контракты с моряками, вели дела с судовладельцами. Они стояли в клубах табачного дыма и громко спорили насчет графика судов, но, увидев меня, сразу притихли.

– Только одна ходка... – умолк на полуслове парень с копной огненно-рыжих волос. А когда я проходила совсем рядом, тихо произнес: – Передавай привет своей бабушке, Эвери Роу.

Я кивнула и опустила голову, стараясь не замечать их волчьих взглядов. Затем повернула на восток и вышла на Уотер-стрит, которая вела к океану и докам. Если бы я продолжала путь по Мэйн-стрит, то оказалась бы в районе нашей фабрики, высоченные трубы которой с ночи до утра отрывали в небо густой черный дым. Вернее, так обстояли дела прежде, когда я была совсем маленькой, а моя бабушка – довольно молодой и очень сильной ведьмой. Китобойный промысел тогда процветал, и на фабрике работа шла полным ходом.

Шум и гвалт, царящий в торговых рядах, остался позади, как только я свернула на Уотер-стрит, к верфи и складам, которые отделяли причал от остального города и тянулись по всему побережью Нью-Бишопа. Те из мужчин, кто стал слишком старым или просто не желал выходить в море, открывали здесь судоремонтные мастерские, где чинили и строили вельботы. В лучшие дни от клиентов не знали отбоя. Широкая улица бывала сплошь забита людьми, завалена досками и прочим материалом, из которого клепали преотличные китобойные лодки. Большинство мастерских работало круглый день, что бизнесу шло только на пользу. Хозяева ходили и поглядывали, как такелажники вяют канаты, плотники гладко остругивают дубовые мачты, а краснолицые кузнецы, морщась, плющат молотами раскаленное железо. Сегодня верфь пустовала. Половина мастерских уже несколько месяцев стояла закрытой. В тех, что еще работали, мастера сидели без дела, на худой конец – подметали пол или чистили печи. Некоторые повернулись в мою сторону и молча наблюдали, как я спешила вниз по улице. Один из них, Мартин Чайлд, который обычно шил паруса, высунулся из двери и, вздернув подбородок, окрикнул меня:

– Эй! Эвери Роу!

Я повернулась к нему и скользкий, липкий страх прокрался в душу. В знакомых чертах улавливалась странная жесткость, почти обвинение... Мартин никогда не был моряком, да и остальные мастера, что трудились на верфи, не выходили в море, но все они были островитяне и их жизнь, как и каждого на острове Принца, так или иначе была связана с китобойным промыслом. Одни охотились с гарпунами, другие строили корабли, третьи вкладывали в строительство деньги, четвертые исполняли обязанности агентов, управляющих делами судовладельцев. Чужаки тоже нередко наведывались к нам, чтобы купить какие-нибудь амулеты, но местные... они готовы были целиком и полностью ввериться ведьмам Роу. Они ждали, когда я приду и, заняв место бабушки, верну острову прежнюю, благополучную жизнь.

Однако теперь, когда их бизнес мало-помалу разваливался, приходил конец и их терпению – я это явственно чувствовала. Вот и сейчас большинство смотрело на меня выжидательно и сурово. Я вспомнила ночной кошмар, холодные, недобрые лица китобоев, содрогнулась и еще больше ускорила шаг.

Уотер-стрит минула судостроительную верфь и уперлась в доки, издали похожие на гнилые щербатые зубы, понатыканные вдоль побережья Нью-Бишопа на расстоянии полутора миль. В самом центре, в Главном доке, обслуживались только крупные промысловые суда, остальные доки принимали небольшие вельботы и рыбацкие лодки, дорогие частные парусники и плоскодонки.

Когда-то здесь громоздилось столько разных кораблей – казалось, что берег порос густым, высоким лесом из мачт и развевающихся парусов. Трех-, четырехъярусные мачты, вонзающиеся в самое небо, островитяне называли небоскребами. Правда, было это еще до того, как крупные китобойные суда ушли на север, в арктические льды, потому что киты научились скрываться от охотников, а может, их просто стало намного меньше. Еще перед войной между Севером и Югом китобойный промысел оказался в такой упадке, что судовладельцы вместо того, чтобы отправлять суда на охоту, продавали их южанам, а затем наполняли их трюмы камнями и топили, лишь бы не пустить Конфедерацию в море. Много замечательных старых кораблей сейчас разрушены или потоплены и стоят не дороже мусора. Судовладельцы лишь руками разводят: «Что мы могли сделать? Рисковать? Ведь киты ушли далеко, льды разбивают корабли, а ведьма Роу больше не способна нас защитить».

Я направилась напрямик в Главный док, в котором, невзирая на трудности, пока еще кипела работа, толкались и сновали туда-сюда взрослые мужчины и мальчишки, тянули канаты, закатывали на палубы бочки. Они двигались хаотично и вместе с тем почти синхронно, словно стая суетливых рыбешек. За долгие годы в дощатый настил впиталось столько крови и жира, что он стал напоминать бурый мрамор с грязно-серыми прожилками. Мне пришлось кричать и очень громко, чтобы меня смогли услышать через невообразимый шум: скрип мачт, хлопанье парусины, непрерывные стук молотков и визг пилы. К тому же там стояла жуткая вонь: пахло солью и потом, сгнившим китовым мясом и сладким маслом. Одним словом, доки были сущим мучением для каждого из пяти чувств и моим самым любимым местом на острове после бабушкиного дома.

Не замедляя шага, я спустилась по шаткой лестнице и словно пересекла невидимую грань, разделявшую жизнь на два мира. Один принадлежал детям и женщинам с их домашними хлопотами. Второй, полный невзгод, риска и опасности, – китобоям.

Все эти работяги прекрасно знали меня и мою бабушку и оторвались от дел, чтобы меня поприветствовать. В Главном доке работали не только островитяне, но и чужестранцы, прибывшие буквально отовсюду. Белые, чернокожие, мулаты. У одних в речи угадывался французский акцент, у других – испанский или португальский, у кого-то в голосе звучали упругие ритмы юга, а у кого-то – певучие трели Тихоокеанского побережья.

– Ого! Да тут мисс Эвери! – воскликнул крупный краснолицый мужчина.

Я кивнула и хотела проскочить мимо, но он преградил мне путь.

– Ты-то мне и нужна. Наложил-ка заклятие вот на это! – и он протянул тонкую металлическую свайку дюймов шести в длину, которая висела на веревке, охватывающей его запястье. Бывалые моряки знают, как важно накрепко стянуть снасти или, наоборот, вовремя ослабить их. Бабушка готовила особый состав из китового жира и морской грязи – смазанная им свайка с легкостью проникала в любые, самые тугие узлы. Но даже если бы я и не была так встревожена своим ночным кошмаром, все равно не смогла бы исполнить просьбу такелажника.

– Езжайте к моей бабушке, – предложила я, – она вам поможет.

Он вдруг рассердился:

– Съездил уже! Прошлой ночью! Она отказалась.

Он вверх-вниз водил пальцем по свайке. Я насторожилась – второй раз за неделю до меня дошли слухи, что бабушка отправила моряка ни с чем.

– Зачем она так? Да я ног под собой не чуял, пока до нее добрался. И деньги у меня были.

– Мне жаль, – ответила я. – Наверное, она просто устала.

– Ну да, устала. А мне что прикажешь делать? Вот еще оправдание! С каких это пор вы, Роу, вздумали нам отказывать?

– Она бы все сделала как надо, если бы могла, – оправдывалась я.

Мужчина схватил меня за рукав.

– Ну а как насчет тебя? – продолжал он горячиться. – Ты-то можешь? Или думаешь, что можешь разгуливать тут, задрав нос, раз уж назвалась Роу? А я вот вижу, что ты просто глупая девчонка, которая решила поиграть в колдунью. Но это моя жизнь! Или ты и ею вздумала поиграть?

– Мне надо идти, – я вырвалась и заспешила прочь, пока он не сказал еще что-нибудь неприятное...

– Это правда? Ты и есть Эвери Роу? – слышала я за спиной.

Я быстро обернулась и увидела... нет, не мужчину – парнишку, всего лишь на пару лет старше меня. Он стоял, чуть склонив набок голову. Судя по его внешности, прибыл он откуда-то из тихоокеанских островов. Такой же смуглый и черноглазый. Тамошние жители считались прирожденными моряками, да еще и превосходными гребцами, что очень ценится в китобойном промысле. Вот только разговаривал паренек не так, как принято на Тихом океане. Перевидав на острове множество чужестранцев, я научилась различать акценты. А в говоре паренька звучала смесь британского и французского, а вдобавок – жаргонные словечки, которыми изъясняются моряки Новой Англии...

– Да, но мне нужно спешить, – выпалила я, – так что до свидания.

У меня и без того после слов краснолицего сердце из груди выскакивало. Повернулась, чтобы уйти, но парень остановил меня. Широко улыбнулся, обнажив ослепительно-белые зубы, и достал из кармана горсть монет.

– Я мог бы заплатить, чтоб ты не тратила время зря. Мой сон... Я хотел бы узнать, что он значит.

И парень протянул мне несколько серебряных долларов.

Я посмотрела на открытую ладонь, перевела взгляд выше, на татуировку, которая началась выше локтя и исчезала под закатанным рукавом. Это был сложный рисунок с пересекающимися узорами и линиями, сплетавшимися в шахматном порядке.

– Не могу, – поверх плеча паренька я взглянула на людей, толпившихся в дальнем конце дока.

Мне надо было найти того, кто передал бы весточку бабушке. Прежде всего, я должна стать ведьмой, чтобы тот ужас, что пророчил сон, развеялся как дым. А потом уж буду думать о ком-нибудь еще. Я отвлеклась на свои мысли и не сразу поняла, что паренек говорил.

– Прости? – переспросила я.

Он по-прежнему благодушно улыбался, но теперь в глазах его светилось нетерпение.

– Я сказал, что много слышал о тебе. И на остров я приехал только из-за тебя. Выслушай мой сон! Расскажи, что он означает.

Он так и держал свои монеты в протянутой руке, и я заметила, как сильно дрожат его пальцы.

Приехал на остров ради меня! Такое бывало раньше, когда я еще жила с бабушкой. Люди приходили именно ко мне, десятилетней девочке, и с благоговением выслушивали предсказания будущего. Это удивительное чувство – быть кому-то нужным! Вот и сейчас оно согрело мое сердце. Тем не менее что-то в этом парне меня настораживало...

В смятении я снова посмотрела ему в лицо. Внешне он казался спокойным, но теперь в его взгляде читалась неукротимая, всепоглощающая страсть. Я чувствовала, дело тут не только в предсказании. Но в чем? В душе шевельнулось непонятное беспокойство.

– Не могу... – я осеклась.

Невыносимое напряжение родилось где-то в груди и стремительной волной разнеслось по телу, переполняя меня. Это все магия! Точно обезумевший пес, она рвалась наружу и требовала... требовала применения. Если я выполню просьбу парня, растолкую его сон, мне станет легче. Ненадолго, но все же... Признаться, мне и самой было необходимо разгадывать чужие сны, рассказывать людям об их будущем. Порой даже больше, чем тем, кто обращался ко мне, хоть я и брала с них плату. Просто бабушка говорила, что даром ничего делать нельзя. Вот и сейчас так же отчаянно, как изголодавшийся ребенок плачет, требуя еды, магия внутри меня вопила, пронзая мозг: «Сделай это! Сделай это! СДЕЛАЙ ЭТО!»

– Ладно, – сдалась я. – Рассказывай свой сон. Только быстро.

Он торопливо протянул мне горсть монет. Я взяла одну.

– Плата – доллар, – пояснила я.

Он кивнул и убрал остальные деньги в карман.

– Ты должен говорить мне правду, – предупредила я, и тут же сзади, за спиной, раздался взрыв хохота.

Это мальчишки, завидев меня, отложили работу и теперь стояли чуть поодаль, сбившись в стайку, и с любопытством наблюдали за нами. Они смеялись надо мной, потому что в последнее время, когда я приходила к докам, часто забавлялись тем, что придумывали сны и просили их растолковать. Сочиняли всякие гадости и пошлости, отчего у меня нестерпимо болела голова и я готова была взорваться.

– Да это все шуточки! – хохотали они.

Мальчишки не воспринимали меня всерьез, ведь я не моя бабушка и даже не мать. Я не настоящая ведьма. И они меня нисколько не уважали.

Парень с татуировкой, надо отдать ему должное, не обратил никакого внимания на их смешки и как ни в чем не бывало стал рассказывать свой сон.

– Я один. Ночь. Я посреди океана. Плыву в лодке, лежа на спине, и любуюсь звездным небом...

Появилось привычное ощущение, словно его слова потянулись ко мне, извиваясь и обволакивая, словно шелковистые нити паутины. Он действительно не врал – не то что глупые мальчишки. Его сон был правдивым. Но я не могла избавиться от смутного чувства, будто здесь что-то не так, да и само значение сна ускользало от меня.

– Небо усеяно звездами, – продолжал парень, – и вдруг я вижу, как они, одна за другой, начинают расти прямо у меня на глазах, становятся все больше и ярче. А затем гаснут и исчезают. Небо становится абсолютно черным.

Он замолчал, и я нерешительно прикусила губу, не понимаю, последует ли продолжение.

– Тогда я сел и закричал, – снова заговорил паренек, гораздо тише, почти шепотом, но заметно волнуясь. – А в ответ ни звука. Огляделся – лодка исчезла, а я остался в крошечной тьме.

Он взмахнул руками:

– Потом я проснулся.

Нити паутины оплели меня, и мне открылся истинный смысл сновидения, заставив содрогнуться и сжать кулаки. О нет! Только не это, только не сейчас, когда во мне еще так живы переживания после ночного кошмара. Я глубоко вздохнула, потерла пальцами виски, чтобы унять подступившую мигрень. Еще один глубокий вздох...

– Нехороший сон, – сказала я, возвращая ему доллар. Потому что так оно и было. Я увидела то, о чем рассказывать совсем не хотелось. Мне было очень жаль этого странного паренька. – Если ты не хочешь слушать о плохом, можешь забрать деньги.

С минуту он смотрел на меня очень пристально, и я подумала, что он возьмет деньги. Потом решила, что в любом случае отдам ему этот доллар и ни за что не скажу правду, пусть даже он будет просить. Но он сказал:

– Я должен узнать.

Едва он заговорил, все вдруг встало на свои места. Я поняла, что за смутная тревога тяготила меня. Сочувствия к парню как не бывало – я вспыхнула от гнева.

– Я ведь сказала: не надо врать!

Мальчишки снова захохотали. Я повернулась к ним и прошипела:

– Вы его надоумили? Наговорили, как это забавно – обманывать ведьму?

Но они лишь сильнее покатывались со смеху. Я развернулась и пошла прочь, дрожа от злости. Даже в глазах рябило от ярости!

– Подожди! – снова окрикнул меня парень. – Никакого вранья! Я и вправду видел этот сон.

– Тебе уже известно, что за ним скрывается, так ведь? – я говорила с ним жестко и уверенно, потому что совершенно точно знала, как все было.

Значение сна ему уже открыла другая ведьма в каком-то другом городе – вот почему его просьба была обычным фарсом. Ничем не лучше тех дурацких шуток, которыми развлекались портовые сопляки. Еще один плевок в сторону пошатнувшейся репутации нашей семьи.

– Зачем ты спрашивал меня, если и так все знаешь?

– Так ты можешь сказать или нет? – снова повторил он, будто не слыша моих обвинений.

Я дернула плечами и отвернулась.

– Пожалуйста! – не унимался он, преграждая мне путь. – Я столько слышал про твой дар, но мне надо быть уверенным, что это не выдумки. Я просто хотел испытать тебя, чтобы...

– Испытать?!

– Отлично! – загалдели мальчишки. – Проверь ее! Она говорит, что ведьма, а мы думаем – просто языком метет!

Они снова разразились смехом, а я уже просто закипала от гнева. Этот парень мне не верил! Он решил разоблачить меня, будто какую-то шарлатанку и лгунью. Меня лихорадило.

Я возненавидела его во сто крат больше, чем этих гадких мальчишек. Как же захотелось стать мужчиной, чтобы врезать ему как следует. Или настоящей ведьмой – прокляла бы от души. Увы, я не ведьма и не мужчина, но за себя постоять могу.

– Итак, тебе интересно, о чем твой сон? – я надменно приподняла брови. – Пожалуйста – все они мертвы.

Он вздрогнул, и я снова ощутила укол жалости, но уже набрала обороты.

– У тебя была семья. Мать, отец и три сестры. Но все они мертвы. И все твои кузины мертвы, и тети, и дяди, и все друзья. Всех, кого ты знал с детства, убили, а тела сбросили в море.

Он смотрел на меня в оцепенении, на его глаза навернулись слезы. Но я лишь вздернула подбородок и прошла мимо, бросив напоследок:

– И больше не приставай ко мне со своими снами!

На этот раз он уже не пытался меня задержать.

Глава 4

Все еще дрожа от обиды и сжимая в кулаке серебряный доллар, я быстро шла вдоль доков, почти бежала, не обращая внимания на вопросы моряков постарше. Я услышала, как один из них принялся отчитывать мальчишек за их насмешки и глупые выходки, требуя относиться к семье Роу поуважительнее, иначе сорванцам не поздоровится. После этих слов мне стало чуточку легче, но все равно не давала покоя мысль: зачем парень с татуировкой устроил мне эту проверку? Его ужасный сон встревожил меня не меньше, чем мой собственный. По-прежнему пугала опасность, что меня убьют, а я, словно у матери в ловушке, не могу ни сбежать, ни стать ведьмой.

Я остановилась возле груды пустых бочек, чтобы перевести дух и немного успокоиться. Мне до сих пор казалось, что перед глазами плывут цветные пятна, а каждый глоток воздуха обжигает легкие. «Дыши, дыши глубже», – велела я себе.

Надо, ой как надо послать бабушке письмо – она подскажет, что делать дальше. Значит, без Томми Томпсона не обойтись. Я посмотрела вверх, туда, где толпились люди, выискивая среди них знакомое веснушчатое лицо. Нашла его в самом конце доков. Он стоял возле счетной конторы, облокотившись о дверь, и болтал с каким-то светловолосым парнишкой.

Увидев меня, Томми Томпсон улыбнулся, а когда я подошла поближе, крикнул:

– Доброе утро, Эвери!

Я слабо кивнула в ответ.

Что сказать о Томми? Прежде всего, он был моим деловым партнером – находил для меня клиентов, которым не терпелось узнать свое будущее. За это ему причитались комисионные – двадцать центов с каждого доллара. Кроме того, на всем острове он, пожалуй, единственный, кого я могла бы назвать своим другом. Вот уже пять лет, с тех пор как ему исполнилось двенадцать, он работал в счетной конторе в доках. В этом сером приземистом здании вернувшиеся из плавания капитаны собирались, чтобы подсчитать остатки товара и подбить выручку.

Наверное, только Томми Томпсон не мечтал покинуть родительский дом и отправиться в плавание – остальные парни морем просто бредили. Поначалу это и расположило меня к нему. А еще он был веселым, находчивым и обаятельным. Меня не отпускало ощущение, что дружба с девочкой-ведьмой ему льстит – это придавало Томми вес и возвышало в глазах товарищей. Ведь мы жили в мире, где парня начинали считать мужчиной только после того, как он возвращался из плавания. И уж конечно я видела, что Томми во мне привлекала не только магия, но решила, что лучше придерживаться деловых отношений.

– Нужно, чтобы островитяне нам доверяли, поэтому у нас не должно быть любимчиков, – наставляла когда-то меня бабушка.

– Томми... – начала я.

Но не успела договорить, как он вытолкнул вперед парнишку.

– Это Джимми Рикерс. Он хочет узнать про свой сон! – оборвал меня Томми, довольно ухмыляясь.

Затем обратился к мальчишке:

– Восемьдесят центов – мисс Роу, двадцать – мне.

Я взглянула на мальчика. Ему было от силы лет тринадцать. Он робко улыбался и смущенно поглядывал на меня из-под длинной светлой челки, и я почувствовала, как во мне нарастает раздражение.

– Не сегодня, – отрезала я, и улыбка тотчас сползла с лица Томми.

– Да ты что! – воскликнул он, подошел поближе и зашептал: – Мне срочно нужны двадцать центов! Я задолжал два доллара Джо Кингу. Да и Джимми я пообещал, что ты это сделаешь.

Я бросила на Томми недобрый взгляд. Читать сны по указке не стану, даже для него.

– Может, позже, – произнесла я. – Поговорим?

Повисла пауза. Я надеялась, что Томми не будет настаивать на своем, и он, немного помолчав, буркнул:

– Ладно. Зайдем в контору.

Я прошла за ним следом, затворив дверь. Из огромного, во всю стену, окна открывался вид на док. Я нахмурилась – с одной стороны, берег был как на ладони, а с другой – за нами тоже мог наблюдать кто угодно.

– Ну? – спросил он.

У меня неожиданно засосало под ложечкой.

– Мне надо... кое-что сообщить бабушке.

Томми напрягся.

– Сообщить? Но... Эвери, это же опасно.

Несколько лет назад, когда мы только с ним познакомились, Томми сам предложил передать бабушке весточку от меня. Но моя мать почти сразу поймала его. Чем только он ей ни клялся, что это была целиком и полностью его идея, а я, мол, об этом даже не догадывалась. Потом Томми, блеее полотна, подошел ко мне и с дрожью в голосе сказал, что мать запретила мне помогать. А если он еще раз выкинет что-нибудь подобное, то очень сильно пожалеет. Мы оба согласились, что рисковать не стоило.

– Да, Томми, опасно, – согласилась я. – Но не будь это так важно, я бы и просить тебя не стала.

– Но твоя мать сказала, что со мной случится что-то плохое. Да и бабушка не приедет в Нью-Бишоп. Ведь тогда мать и вовсе увезет тебя с острова. Ты не...

– Знаю, – я оборвала его на полуслове, но, поразмыслив, вынуждена была признать, что он прав.

Я, должно быть, сошла с ума, если решила так рисковать.

– Ладно, забудь, – вздохнула я. – Извини, Томми, я попытаюсь придумать что-нибудь другое.

Томми меня остановил на пороге:

– Эвери, стой. Все в порядке. Я сделаю это.

– Нет, Томми, слишком опасно. Я вообще не должна была тебе об этом говорить.

Он усмехнулся:

– Да брось! Я сам хочу тебе помочь.

Я смотрела на него с минуту, а затем решилась. Достала из кармана серебряный доллар, протянула Томми, но тот не взял:

– Да ну! Я и просто так схожу.

Вот еще! Бабушка учила: «Никогда не делай то, что может навредить нашей репутации». А что может быть для репутации хуже, чем неоплаченные услуги?

– Это для Джо Кинга, – сказала я и положила монетку на стол.

На этот раз, к моему облегчению, Томми отказываться не стал и убрал доллар в карман.

– С чего это ты вдруг решила с ней связаться? – спросил он.

Едва я открыла рот, чтобы рассказать о своем жутком видении, как слова встали в горле комом. Могу ли я доверять старине Томми? Стоит ли рассказать ему, что видела, как меня пытались прикончить? Неожиданно подкралась и вовсе темная мысль: «Любой может оказаться одним из убийц. И Томми Томпсон не исключение».

– Я... лучше напишу, а ты передашь.

Томми нахмурился. Мои слова задели его. Кроме того, записка могла стать опасной уликой в том случае, если его перехватит моя мать.

– Ты мне не доверяешь?

Как ему было объяснить, что я никому не могу довериться? Даже единственному другу, который ради меня был готов подвергнуться опасности.

– Тебе необязательно это делать, – сказала я. – Если ты беспокоишься, что тебя поймут, давай просто забудем об этом.

Вместо ответа он лишь вздохнул, затем достал из кармана клочок бумаги и огрызок карандаша.

На душе сразу потеплело. Как я была ему благодарна в этот миг! Томми, дорогой Томми, лучший друг на свете!

Я взяла карандаш, но меня вновь одолели сомнения. Внезапно по телу пробежал неприятный холодок. Руки и ноги покрылись мурашками. Я поняла, что не могу написать о своем кошмаре, но Томми стоял за спиной и ждал, не сводя с меня глаз. Собравшись с духом, я быстро нацарапала: «Я видела дурной сон. Мне нужна твоя помощь». Затем сложила записку и протянула Томми, который тут же спрятал ее в карман.

– Когда пойдешь? Сегодня вечером? Ее ответ можешь потом передать одной из наших служанок, что работают на кухне, – голос мой звучал взволнованно, пожалуй, даже слишком.

Томми замешкался на секунду, но согласился:

– Хорошо, так и сделаю.

Я кивнула, стараясь успокоиться, но сердце все равно стучало как бешеное. Тогда Томми обнял меня за плечи:

– Что бы ни случилось, Эвери, скоро все наладится.

Он говорил мягко и вместе с тем очень уверенно, и впервые с того момента, как мне привиделся кошмар, я улыбнулась.

После разговора с Томми я вернулась домой. Незаметно проскользнула в свою комнату. Теперь оставалось только считать часы и ждать новостей. Он будет занят весь день, отвлечется разве что на обед, а к вечеру у него наверняка опять накопятся счета, которые никак нельзя отложить на следующее утро. Получалось, что отправиться в дорогу Томми сможет не раньше десяти-одиннадцати. Если в пути все будет гладко, то за два-три часа он доберется до бабушки, а значит, в Нью-Бишоп вернется уже под утро, по крайней мере, не раньше трех. Даже если он сразу отправится к дому моей матери (а так он наверняка делать не станет – с дороги ведь захочется передохнуть), вряд ли я смогу тайком выйти, чтобы подстеречь его снаружи. Значит, только завтра... еще целые сутки ожидания и беспокойства.

От голода у меня живот подвело. Я перестала мерить шагами комнату, тихо спустилась на кухню и уткнула ячменную лепешку. Затем снова вернулась к себе. Двадцать четыре часа... Не так уж это и долго – в конце концов, о побеге я мечтала целых четыре года. Вспомнился самый первый день, когда мать только привезла меня к себе, и я невольно содрогнулась.

– Ну, вот, я спасла тебя, – заявила она тогда. – Ты ничего не хочешь мне сказать?

Она наклонилась ко мне так близко, что я смутилась. Прежде мне никогда не доводилось видеть лицо, так сильно обезображенное шрамом.

– Тебе больше не придется жить в той лачуге, – приговаривала она. – И с ней встречаться больше не придется.

Она оглядела меня с головы до ног и добавила:

– Я куплю тебе туфли. Видела в городе одни, прехорошенькие и на маленьком каблучке.

Я не знала, что сказать.

– Тебе и платью нужно новое, – добавила она. – А то, знаешь, в этом наряде ты какая-то старомодная. А когда ты в последний раз играла с другими девочками?

Мать дотронулась до моего рукава, а я словно оцепенела, уставившись на нее во все глаза.

– А ведь это платье, что ты сейчас носишь, шила я сама, когда была молодая. Пришлось подкопить денег, чтобы купить ткань и выкройку. Всю зиму работала и откладывала, а потом еще целый месяц над ним корпела. Мать мне тогда сказала, что это пустая трата денег, но в конце концов платье получилось прелестным. Пожалуй, теперь я сошью для тебя что-нибудь получше. Мы вместе можем выбрать модель и цвет.

– Не хочу новое платье. Когда я могу пойти домой?

Она выпустила мой рукав.

– Теперь твой дом здесь.

Стоя передо мной, мать приглашающее развела руками. Комната была такая тесная, что ее пальцы почти коснулись обеих стен.

– Хочу домой, – упрячилась я.

Мать нахмурилась:

– Ты не понимаешь. Я – твоя мама.

Резким движением она свела руки перед собой, сцепив пальцы в замок.

– Становиться ведьмой – очень тяжело и очень мучительно, – сказала она тогда и с тех пор повторяла это неоднократно, хотя никогда не уточняла, почему тяжело и почему мучительно. Думаю, она просто хотела напугать меня, однако лишь сильнее распалила мое желание поскорее открыть в себе магическую силу.

– Чтобы стать ведьмой, тебе пришлось бы отречься от многого. Очень многого. Да и бабушкин дом – совсем не место для маленькой девочки. Вечно там шатается неизвестно кто, даже по ночам. – Она нервничала, вышагивая по комнате взад-вперед, и каждый шаг отзывался в такт ее словам громким стуком каблуков. – Тебе необходимо образование. Да ты столько всего пропустила, пока жила с ней! Я должна была забрать тебя много лет назад. Ведь ты заслуживаешь лучшего. самого лучшего. Ты будешь жить со мной, будешь ходить в школу...

Не помню, перестала ли она наконец говорить, потому что, не выдержав, я начала кричать – так громко и пронзительно, как только могла.

Шли недели, а я никак не могла привыкнуть. Все это время мать пыталась меня успокоить или задобрить, рассказывала об игрушках, которые купила, заколках и лентах, романах для девочек. Она ожидала, что мне, как и героиням этих книг, достаточно несколько ненавязчивых напоминаний о правилах хорошего поведения, чтобы образумиться.

– Прекрати! Прекрати! – требовала она в ответ на мои вопли, не понимая, что все ее мечты на мой счет несбыточны. Напрасно она надеялась, что взяла в дом миниатюрную копию себя самой, девочку, которой только и надо, что наряжаться, читать книжки и играть в куклы, и которая будет обожать ее за так называемое «спасение».

Мать одаривала меня вещами, о которых сама когда-то мечтала, и, изумляясь, что я отказываюсь от подарков, покупала их еще больше и еще усерднее навязывала свои идеи. Она чуть не силой водила меня на концерты и в кукольный театр, завлекала в магазины, где торговали сладостями и игрушками, катала на каруселях, спуская на развлечения свои мизерные сбережения. Но я продолжала кричать.

– Прекрати! – велела она однажды, и на этот раз в голосе ее отчетливо звучали раздражение и страх.

Она схватила меня за плечи и трясла до тех пор, пока я не начала задыхаться, а затем в наступившей тишине строго сказала:

– Теперь твой дом здесь! И ты останешься со мной! Ты никогда больше ее не увидишь! И она никогда за тобой не приедет. Со мной ты будешь в безопасности. Я не позволю тебе связать свою жизнь с магией. Сейчас тебе трудно понять, но это только во благо.

Я хотела вырваться из объятий, но она лишь крепче сжала меня, думая, что обнимает свою дочь. Я же чувствовала себя как птица, которую заточили в клетке.

– Моя мать никогда меня не защищала, – яростно прошептала она, – зато я смогу защитить тебя!

Я сидела в кресле-качалке в моей комнате в доме матери, в доме, который, по ее словам, она выбрала специально для меня. На мне было платье, привезенное из Парижа, туфли – из Лондона, шелковые ленты – с материка. «Все для тебя!» – повторяла она, показывая, что я могла бы стать леди, а не ведьмой. Носить красивую одежду, любоваться картинами, слушать музыку, найти себе подходящего мужа и обрести положение в обществе.

Одними заклинаниями мать не ограничилась – она старалась привязать меня к себе и всевозможными красивыми вещами: нарядами, украшениями, роскошной кроватью с балдахином, собственным экипажем. Я просто чувствовала, как она словно щупальцами опутывает меня заботами, исподволь пытаюсь убедить, что мое место здесь – в богатстве, тепле и комфорте, где обо мне всегда позаботятся и где каждое желание будет исполнено, а вся моя жизнь превратится в бесконечную вереницу восхитительно беззаботных дней.

– Ты только посмотри, какое будущее тебя ждет, если ты забудешь про магию! – твердила мать.

Но всякий раз, когда я пыталась представить, что стану утонченной изнеженной леди, хозяйкой огромного дома, не смеющей и лишнего слова сказать, сила, которая струилась по моим венам, тотчас начинала бурлить и клокотать. Не хочу я всего этого и не стану никакой благородной дамой, в какие бы платья мать меня ни наряжала, что бы я ни ела и на какой бы постели ни спала. Я была ведьмой, я была китом и не желала прозябать в логове осьминога.

Глава 5

Не перечесать, чего я только не пробовала, чтобы освободить свою магическую силу. Однажды срезала прядь волос и бросила в океан. Целый год на закате, на рассвете и ровно в полночь я плавала в море, во время приливов и отливов, в одежде и нагая. Как-то дала Томми доллар, чтобы он арендовал для меня ялик. Отчалив от доков, я гребла до тех пор, пока берег почти не исчез из виду, и принялась призывать китов и водяных ведьм. Моя бабушка всегда носила шарфы, да и мать питала к ним особую слабость. Наверняка в этом был какой-то тайный смысл! Целую зиму я училась вязать и в конце концов произвела нечто длинное, серое и бугристое, отдаленно напоминающее предмет одежды. Свое творение я носила обмотанным вокруг шеи, сгорая от желания овладеть магией.

«Сделаться ведьмой можно, только пройдя через боль», – говорила бабушка. Поэтому я колола булавами пальцы до крови, щипала себя так, что ноги и руки были сплошь в синяках – но все без толку. Однажды, спустя неделю после моего четырнадцатилетия, испугавшаяся чего-то лошадь сбросила меня на землю. При падении я сломала руку и, несмотря на раздиравшую меня боль, с надеждой думала лишь о том, что уж этого-то должно хватить. А минутой позже взвыла, но вовсе не из-за перелома, а от разочарования – чуда не произошло.

«Чтобы стать ведьмой, придется очень многим пожертвовать», – нередко повторяла мать. Одно время я старалась не спать, хлопая себя по щекам, чтобы взбодриться, но единственное, что я чувствовала – это вялость и пустоту. Потом принялась морить себя голодом, пока мать не спохватилась и не начала набивать мне рот супом и кашей, насильно разжимая челюсти. От бабушки сохранилась всего одна вещь – связанные ею носки, которые теперь стали чем-то вроде реликвии. И хотя они давно уже были мне малы, я любила их и бережно хранила, а незадолго до переезда в новый дом украдкой бросила в нашу крохотную круглобокую печку. Никаких магических способностей эта жертва мне не принесла. Зато комната сразу наполнилась едким, вонючим дымом, а мать обругала меня словами, которые настоящей леди произносить не пристало.

Я бы сделала что угодно. Могла бы и палец себе отрубить – удерживало только то, что и у матери, и у бабушки все пальцы были на месте. Я готова была обрить голову, или целый год прожить в одиночестве в какой-нибудь лодке, или пустить кровь прямо в море, лишь бы это сработало. Но пока все попытки оказывались тщетными. Однако я знала, знала наверняка – что ключ к моей силе скрыт во мне самой.

Следующей ночью кошмар повторился, и я вновь проснулась, обливаясь потом, с трудом осознавая, что это просто сон, легкие мои целы, а сама я не захлебываюсь в ледяной воде и крови. Дыхание сбилось, словно не хватало воздуха. Мокрые волосы прилипли к щекам и лбу. И все же я попыталась успокоиться, отбросить мысли об убийстве и найти этому сну иное объяснение. Что, если я упустила какие-нибудь детали и неверно поняла?

В конце концов, я пока не стала идеальным толкователем снов. Случалось, что истинное значение сновидения оказывалось не таким, как представлялось на первый взгляд. Одному судовладельцу, например, я напророчила банкротство из-за Энни Перри. Так звали его молодую супругу родом из штата Мэн. Энни была хорошенькой, только очень любила позлословить и неустанно жаловалась, как тоскливо и убого живется на острове. Судовладелец отослал жену назад, в Мэн, к родне, а в скором времени его огромный корабль затонул во льдах Арктики, и он разорился. Судно, как я узнала позже, тоже звалось «Энни Перри». Вот и получилось, что бедняга поверил мне и потерял все: и бизнес, и корабль, и жену. И хотя нельзя сказать, что я была совсем уж не права, но и правдой мои слова тоже не назовешь.

– Должно быть что-то еще! – уверяла я себя.

Порой, когда я разгадывала сны, виделось слишком много всего: имена, даты, лица, места и события. В этом случае мне просто требовалось сосредоточиться покрепче. Возможно, я и свой сон истолковала неверно? Я вскочила с кровати и принялась расхаживать по комнате взад-вперед, перебирая в уме все подробности сна. Наверняка я ошиблась, потому что меня не могут убить, не должны... А если и существует какой-то заговор против меня, надо узнать, кто за этим стоит и почему. И конечно же выяснить, что именно замыслили сделать, когда и как.

Вдруг до меня донесся шум, похожий на мужской кашель. От неожиданности и страха я вздрогнула, сердце затрепетало, к горлу подступил ком: «Вдруг это мой убийца? Пришел, чтобы покончить со мной!»

Но шли минуты, и больше тишину ничто не нарушало. Постепенно я успокоилась и решила, что кашлял пастор, муж моей матери. А мог ли он оказаться убийцей? Меня он не жаловал. Хотя с чего бы ему меня любить? Кто бы смог терпеть угрюмую девочку-подростка, которая ненавидит свою мать и мечтает стать ведьмой? Вот и получилось, что обе попытки матери найти мне хорошего отца не увенчались успехом. Первый избранник оставил ей чудовищный шрам. И о нем я знала гораздо меньше, чем о пасторе. Как-то мать обмолвилась, что отец был моряк и, хотя работал не меньше других, руки у него были нежные и мягкие, как у ребенка, а затем вздохнула, словно вовсе не эти самые руки изуродовали ее лицо.

«Магия не спасла твою мать от нападения», – стал нашептывать мне тонкий внутренний голосок. Я задрожала, но тут же взяла себя в руки и отчаянно затрясла головой: «Нет! Ведьму Роу нельзя убить! На это никто не способен. Возможно, мать и не смогла себя защитить, но моя магия спасет меня!»

До утра я просидела в кресле, украшенном резными деревянными ангелочками – их крылышки были достаточно острыми, чтобы не дать мне забыться сном. Я открыла шкаф, чтобы переодеться, и, увидев собственное отражение в зеркале, буквально застыла на месте – кожа серая и дряблая, глаза покраснели. Бабушка делала амулеты, с которыми можно было бодрствовать всю ночь и чувствовать себя при этом полным сил. У неопытных моряков, которым поначалу трудно дежурить ночами на верхушке мачте, они шли нарасхват. Вот бы и мне такой талисман.

В животе заурчало с голоду – пришлось спускаться. Обычно мать, пастор и его дети все вместе завтракали в столовой. Я же решила поесть на кухне. Вряд ли кто-то стал бы возражать, потому что новая семья матери избегала меня ничуть не меньше, чем я их. Среди прислуги мне было куда спокойнее.

Старшие слуги – дворецкий, экономка и горничная моей матери – прибыли с материка и мало что знали о семействе Роу, зато младшие были в основном коренные островитяне, чьи дяди, отцы и братья занимались китобойным промыслом. Поэтому они с удовольствием болтали со мной, заодно выпрашивая про свои сны. Заниматься магией, пусть даже всего лишь толкованием снов, в доме матери было рискованно, однако оно того стоило. Вместо денег за предсказания они платили мне доверием, и в случае чего я могла рассчитывать на их помощь. Например, они покрывали меня, когда я убегала к докам, или молча убирали следы моих магических опытов.

Особенно мне нравилась кухарка миссис Пламмер. К магии она относилась благосклонно, а бабушку мою очень чтила – только благодаря ее колдовству сын миссис Пламмер однажды спасся от неминуемой смерти. Когда кухарка не занималась стряпней, она иногда рассказывала истории о моей прабабушке Элмире, жившей на рубеже веков. «В этой женщине было много океана» – так она говорила. Лучший комплимент, который могли сделать лишь на острове Принца.

Когда я спустилась на кухню, миссис Пламмер распекала Люси, посудомойку. Стоило мне появиться, Люси выскочила из кухни и отнюдь не из-за учиненного кухаркой разноса. Девчонка невзлюбила меня с тех пор, как однажды перепутала нас, Роу, и обратилась ко мне с просьбой сделать любовный амулет. И приворожить она решила не кого-нибудь, а Томми Томпсона! Конечно же я ей отказала, пожелав при этом удачи, хотя у двенадцатилетней Люси, тощей, как мокрый пес, и рябой, как яйцо перепелки, в любом случае не было никаких шансов.

– О, мисс Эвери! – обратилась ко мне миссис Пламмер, тут же забыв о Люси, и кивком указала на дверь, что вела из кухни в сад. – Там для вас кое-что оставили.

Она наклонилась ко мне, понизив голос:

– Я и пальцем не тронула – на всякий случай.

Миссис Пламмер понимала, что с магией шутки плохи, и если уж какая-нибудь колдовская вещица предназначена для одного человека, то другому прикасаться к ней никак нельзя. Меня охватило волнение. В целом мире был всего один человек, кто мог передать для меня посылку. Так, по крайней мере, мне подумалось.

Я опрометью бросилась к двери, выбежала в сад и... прямо у порога обнаружила сверток. На подмокшей от росы коричневой бумаге выделялась надпись: «Для Эвери». Права была миссис Пламмер – это была, несомненно, магическая вещь, потому что стоило мне прикоснуться к маленькому свертку, как пальцы ощутили странную вибрацию и покалывание.

Бабушка! Томми, должно быть, сумел добраться до нее и доставить мою записку. Она поняла, что мне нужно, и передала этот амулет. Я еще сильнее разволновалась, сердце выпрыгивало из груди. Дрожащими руками нетерпеливо развернула бумагу. Сначала проверила, нет ли записки, но, ничего не обнаружив, принялась рассматривать подарок.

– Как странно... – прошептала я.

Это оказалось совсем не то, что я ожидала. Материал незнакомый – сухой, очень легкий и пористый, как губка. Что-то вроде мягкого, бледного коралла. Нити, оплетавшие поверхность талисмана, были связаны аккуратными, сложными морскими узлами, только очень-очень маленькими.

Я с недоумением разглядывала подарок, уверенная только в одном: его сделал кто-то другой, но точно не бабушка. Я не чувствовала ее магии, но явственно ощущала исходящую от вещицы колдовскую силу. Это был амулет на удачу, никакого сомнения.

– Что-то не так, мисс Эвери? – позвала меня из кухни миссис Пламмер, энергично вымешивая пухлый шар теста.

Будто в тумане, я повернулась к ней.

– Что? А-а, да нет, все в порядке, – пробормотала я. И, поскольку миссис Пламмер действительно все сделала верно, с улыбкой добавила: – Спасибо!

Амулет вызывал необычные ощущения. Неведомая сила будто тянула, давила и обвиняла, пытаясь проникнуть в меня, привлекая за собой удачу.

С каждой минутой он вибрировал все сильнее. Ладони нестерпимо щекотало. Тогда я вернулась на кухню, положила талисман на стол, а сама запустила горящие пальцы в миску с солью. Острые, грубые крупы немного уняли зуд.

– Точно все в порядке? – встревожилась миссис Пламмер. Она отложила работу, осмотрелась по сторонам и спросила тише: – С твоей бабушкой ничего не случилось?

Знать бы! А вдруг именно поэтому я чувствую себя так странно, так необычно, когда держу амулет? Могла ли я забыть магию бабушки? Нет, ведь ее магия и моя тоже. А эти ощущения совершенно другие. словно бы я пробовала знакомую пищу, но приготовленную непривычным способом – как если бы простого запеченного цыпленка приправили экзотическим соусом.

– Нет, не думаю, – все же ответила я.

Я оглядела кухню в поисках какой-нибудь тряпицы.

– Можно я возьму это? – кивнула на полотенце.

Миссис Пламмер пожала плечами:

– Да, конечно!

Я осторожно обернула амулет тканью.

– Скоро вернусь.

– Да куда же ты... – спохватилась миссис Пламмер, но я уже выскочила за дверь.

Мне срочно нужно было к докам! Почему? Потому что этот предмет мог принести только один из моряков, и я должна выяснить, кто он.

Обычно ведьмы Роу не делают амулетов для себя и уж точно держатся подальше от чужой магии. Как-то один капитан, вернувшись из Африки, преподнес бабушке «дар Калеба» за те несколько недель, что собирался провести в нашем порту. Это была статуя пяти футов высотой, искусно вырезанная из дерева и инкрустированная драгоценными металлами. Вокруг ее глаз змеились причудливые узоры. Когда капитан принес свой подарок, намереваясь с помпой вручить его бабушке, я ахнула – незнакомая мощная магия обрушилась на меня, словно штормовая волна. Я заплакала, а моряк, немного смутившись, принялся объяснять, что эта статуя обозначает или силу, или знания, или еще что-то в этом роде. Бабушка подбежала к очагу и зачерпнула совком горящие угли.

– Пошел вон! – закричала она. – И это забери!

Она кинулась к нему, выставив перед собой совок, полный дымящихся головешек.

Капитан, хоть и опешил, но вовремя сообразил, что его прекрасный дар отвергнут и, не говоря больше ни слова, убрался прочь вместе со статуей. Только он ушел, бабушка достала из своего черного сундука пучки высушенных трав и хрупкие птичьи кости, бросила их в то место, где стояла статуя, быстро пробормотала что-то себе под нос. Все это время я сидела в своем углу и плакала. Она подошла ко мне и крепко обняла. Я почувствовала, что бабушку лихорадит, ее кожа покрылась капельками пота, а дыхание стало горячим. Меня тоже начинало знобить, стоило только вспомнить о сбивающей с ног враждебной силе, и даже родные добрые руки и нежные объятия не могли унять мою дрожь.

– Всегда будь осторожна с чужой магией, – шепнула бабушка.

И сейчас я бежала по улице, чувствуя, как амулет печет кожу даже сквозь ткань. Мелькнула ужасная мысль: вдруг мой убийца тоже знаком с магией? Впрочем, эту мысль я тут же отмела. Крохотный амулет мог разве что обжечь кончики пальцев, где уж ему убить меня.

Чужеродная магическая сила подстегивала, я неслась со всех ног, не глядя по сторонам, и вскоре оказалась у доков. Отдышалась и завертела головой, высматривая Томми. Хотя и не он принес талисман, но вполне мог предположить, чьих это рук дело. Кроме того, Томми должен был передать ответ бабушки на мое послание. Внезапно взгляд остановился на одном моряке, который тоже не сводил с меня глаз, словно чего-то ожидая. Я сразу поняла: посылка – его рук дело. Вчерашний парень с татуировкой. Подошла, развернула полотенце и поморщилась – от амулета вновь хлынул поток магии.

– Твое? – спросила я.

Он нерешительно кивнул.

– Зачем?

– Это подарок, – совершенно спокойно сказал парень. – В знак извинения.

Я прищурилась.

– А-а, так ты осознал, что злить ведьму опасно? Испугался, что я наложу на тебя заклятье? Так вот, я не пользуюсь амулетами на удачу!

С этими словами я попыталась сунуть талисман ему в руку. Он улыбнулся, изобразив при этом удивление.

– Ты сказала, на удачу? – спросил он. И поскольку я молчала, он, качая головой, продолжил: – Ты должна его принять. Будет нехорошо, если ты его вернешь.

Тут он был прав. Так же как миссис Пламмер понимала, что нельзя касаться магической вещи, предназначенной другому, этот парень знал: если вернуть подаренный амулет, он потеряет свои защитные свойства. В лучшем случае. А в худшем – его сила обернется против тебя. Тогда вместо удачи жди неприятностей. Мне не хотелось навредить этому парню, да он и не взял бы подарок назад, поэтому не стала спорить и убрала амулет в карман. Предмет немедленно завибрировал, словно банка, полная пчел.

– Кто тебе объяснил, как надо обращаться с амулетами? – спросила я. – Это был тот же человек, который рассказал тебе про сон?

– Про сон мне рассказал один шаман из... в общем, недалеко от Таити.

– И он дал тебе эту штуку?

Парень ухмыльнулся и качнул головой:

– Нет. Я сам его сделал.

– Сделал сам? – недоверчиво переспросила я и вынула талисман из кармана.

В нем явственно ощущалась скрытая магическая сила. Конечно, сработан он был грубовато, совсем не так изящно, как получалось у бабушки, и заряжен был послабее. Но он все же действовал. И, говоря начистоту, магии в нем было гораздо больше, чем в любой из тех вещей, которые когда-либо пыталась изготовить я.

– Где ты этому научился? – поинтересовалась я.

Он слегка приподнял брови и улыбнулся.

– А где ты училась своей магии, девочка-ведьма?

Я скрестила руки на груди.

– Хм. Так откуда же ты? И что делаешь здесь, на острове Принца?

Выражение его лица тотчас стало жестким и напряженным.

– Я приехал с острова, такого же, как этот. Только в Тихом океане, недалеко от Новой Зеландии.

Он скользнул взглядом по бригадине, которая возвышалась на стапеле.

– Я – гарпунщик с «Модены».

Я тоже подняла глаза – большой белый корабль был по-настоящему красив, даже несмотря на то, что нуждался в ремонте. Такелаж и рангоут, косые паруса на грот-мачте... Хотя я и не видела на носу корабля регистрационного номера, знала точно – это судно не с острова, а значит, вряд ли ему помогало в пути какое-нибудь бабушкино заклинание.

– А ты не слишком молод для такой работы? – спросила я с вызовом.

– Я родился с гарпуном в руке, – нимало не смутившись, ответил он и, протянув мне руку, добавил, – меня зовут Тэйн.

Мне понравилось, как он произнес свое имя – Тэ-эйн. Такой необычный и приятный акцент!

– Эвери Роу.

Я пожалала его руку, но едва мы коснулись друг друга, как воздух вокруг словно заискрился от напряжения. Я отпрянула.

– Да, знаю, – улыбнулся Тэйн. – Эвери Роу с острова Принца. Внучка морской ведьмы и предсказательница. Ты знаменита!

– Кто знаменит, так это моя бабушка, – сказала я, стараясь не показывать, до чего мне приятны его слова. – Вот она действительно владеет магией. А я всего лишь читаю сны.

– Но разве это не настоящая магия – читать сны?

– Ну, это не одно и то же, – смутилась я. – Но когда-нибудь я уеду из Нью-Бишопа к бабушке, она передаст мне свои знания, и я займу ее место.

Он промолчал, я же, удивившись своей горячности, отвернулась. Немногие на острове знали, что, несмотря на нашу родословную, мои предсказания нечего и сравнивать с магией бабушки. А этот случайный парень вел себя так запросто, что я, не подумав, сболтнула лишнего.

– Что же ты сейчас не уедешь к бабушке? – спросил он осторожно.

– Возможно, ты суешь свой нос туда, куда не следует, – нахмурилась я. – Не такая уж я и слабая ведьма, во всяком случае, смогу проучить одного любопытного морячка.

Он покачал головой.

– Да я и не думал.

Он оглянулся, задержавшись взглядом на других матросах, наклонился к моему лицу и прошептал:

– У меня есть для тебя предложение, девочка-ведьма. Я слышал от наших, что твоя мать наложила на тебя заклятье и не пускает к бабушке...

Я отчаянно старалась не выдать своего волнения, когда он это произнес, хотя кровь в моих венах так и забурилась, а дыхание сбилось. Что за болтуны эти китобои! Спросишь их о чем-нибудь – молчат точно каменные, а как соберутся вместе – так хуже базарных сплетниц.

– А ты веришь всему, что слышишь? – сердито прошипела я.

Он предостерегающе поднял руки:

– Подожди. Может быть, я смогу тебе помочь. Мне известно, как снять заклятье.

Я уставилась на него во все глаза. Дело чрезвычайно сложное – не уверена, что такое вообще возможно. Бабушка, помнится, и знать ничего не желала о том, как избавлять людей от чужих заклятий. «Какой толк в магии, если ее можно отразить?» – говорила она. Моряки, просившие защитить их от колдовства, уходили от нее несолоно хлебавши.

– Хорошо, – сказала я и провела языком по пересохшим губам. – Вот разрушишь ты чары моей матери – и что потом? Ты ведь наверняка хочешь что-нибудь взамен? А я тебе не смогу ничего сделать. Я ничего не умею, кроме как разгадывать сны...

Он сжал губы в тонкую линию.

– А это как раз то, что мне нужно, девочка-ведьма. Помнишь мой сон, который я тебе вчера рассказывал?

Огонь, искалеченные тела, крики детей, невообразимый ужас, ш-ш-ш-ш-ш – на берег набегают волны прибоя, багровые от крови...

– Да, – прошептала я.

– Я говорил тебе про шамана с острова Таити, который растолковал мой сон. Это случилось шесть месяцев назад.

Лицо Тэйна стало жестким, будто окаменело, каждый мускул напрягся.

– Так вот, этот шаман поведал мне еще кое-что, – тихо и быстро заговорил Тэйн. – Люди, убившие моих родных, были американскими матросами. Он велел найти другого толкователя снов. Сказал, что это будет девушка и что она поможет мне.

Я непроизвольно сглотнула и почувствовала, что у меня пересохло в горле.

– Прости за вчерашнее, но я обязан был тебя проверить, – продолжал он. – Я должен был понять, что ты – именно та, о которой говорил шаман. С того дня, когда я узнал, что случилось с моими близкими, я записываю каждый свой сон. Я хочу, чтобы ты объяснила, что они значат, что говорят они о тех, кто погубил мою семью.

Тэйн вдруг вытянулся во весь рост, и я затаила дыхание. Солнце золотило его кожу и, казалось, проникало в него, будто странные черные рисунки на руках поглощали свет.

– Найди их, девочка-ведьма. И я сниму заклятье твоей матери, – теперь он говорил громко и уверенно, голос его звучал, словно рокот прибоя.

Я посмотрела на Тэйна. Он больше не улыбался. Стоял неподвижно, его лицо помрачнело и казалось высеченным из камня.

Каким образом этот странный парень собирался избавить меня от ведьмовских пут? Да, вокруг него искрила магия, да, его амулет источал силу, но все же Тэйн был не таким, как мы. У семейства Роу магия жила в крови, мы рождались с нею, росли и впитывали ее, а он – нет. Где-то узнал кое-какие заговоры, может быть, даже научился кое-чему. Но в любом случае не ему тягаться с моей матерью в колдовстве.

– Как ты собираешься это сделать? – спросила я.

– Попробую кое-что, – задумчиво ответил он, и у меня сердце оборвалось.

– Только попробуешь?..

– Я кое-что смыслю в колдовстве. Мой народ умеет... – он осекся. – Мой народ умел ставить защиту от любой магии. Дай мне время, я и тебя научу.

– Сколько времени это займет?

Он ненадолго задумался.

– Не знаю точно. Возможно, столько же, сколько ты будешь разгадывать мои сны.

Нет, это мне никак не подходило. Шесть месяцев, сто восемьдесят ночей, примерно два-три сна за ночь? Даже если дело пойдет споро, на это все равно уйдут часы, дни, недели... уйма драгоценного времени, которого у меня нет.

– А если из твоих снов я ничего не узнаю о том, что произошло?

– Но ты же можешь видеть мое будущее, правда? Ты ведь можешь сказать, где и когда я встречу тех, кто извел мой народ? Шаман говорил, ты сможешь помочь...

– Нет, – покачала головой я, вспомнив свой ночной кошмар. На душе вновь стало тревожно. – Необязательно. Иногда я вижу такие подробности, иногда – нет...

– Я хочу узнать хоть что-нибудь. А за это помогу тебе.

Парень смотрел на меня с такой надеждой, что я, вздохнув, отвернулась. Говоря по правде, я не верила, что он действительно справится. Маленький амулет не внушал особой уверенности в талантах Тэйна. Еще и бабушкины слова никак не шли из головы: «Будь осторожна с чужой магией!» Даже если он докажет, что достаточно силен, не хотелось бы снова пережить боль, что оглушила меня, когда капитан принес бабушке иноземного идола.

К тому же я ждала скорых вестей от Томми. Вчера он должен был передать бабушке мою записку. Если она и не поможет сбежать из Нью-Бишоп, то хотя бы подскажет, как открыть в себе магию, и тогда я сама сниму заклятье матери. Кроме того, в моем распоряжении не было нескольких недель, чтобы возиться со снами этого полумага. У меня вообще ни на что не было времени.

– Нет, – сказала я. – Не могу.

– Разве тебе не нужна моя поддержка? – спросил он, нахмурившись.

Я усмехнулась:

– Тебе не повезло – не в таком уж я и отчаянном положении, чтобы пользоваться твоей магией.

– Но мои сны...

– Не могу, – повторила я твердо и, увидев, как Тэйн сник, почувствовала острый приступ жалости. – Прости, я и правда не сумею... Мне очень жаль твою семью...

Он лишь передернул плечами, мол, о чем речь.

– Я буду здесь, – произнес он. И прежде чем я успела ответить, что больше не приду, быстро указал на амулет и добавил: – Держи его при себе поближе. Похоже, он тебе понадобится.

Глава 6

Возвращаясь к матери, я размышляла о Тэйне. Его совета я не послушала и в гавани выбросила амулет в море, как только парень перестал меня видеть. Но бедро до сих пор зудело в том месте, где его касался талисман.

Вот бы узнать, где Тэйн научился своей магии. По всему миру живет немало других ведьм и колдунов, которые мастерят обереги, творят заклинания и поворачивают вспять законы природы. У моряков полно разных историй об удивительных вещах, что им довелось увидеть в дальних странах. Я слышала о новорожденных девочках со змеиными головами, о человеке, который превращался в собаку, о заклинателе зверей, о тех, кто читает чужие мысли или способен управлять огнем.

Однажды, еще совсем маленькой, я и сама видела такого чародея. Обычно бабушке не нравилось, когда на остров приезжали чужаки, но этот был обычным шутком, циркачом и никакой угрозы для бабушкиной магии не представлял. Мы с бабушкой отправились в доки, чтобы посмотреть на него. Он оказался тощим, как жердь, с жесткими, точно щетка, черными волосами. Стоял себе на пристани, голый по пояс, в одних холщовых штанах, и к нему со всех сторон стекались люди. Даже пастор явился. А затем мы все увидели, как он взлетел. Поднимаясь все выше и выше, он кружился и извивался, будто перышко, подхваченное ветром. Потом остановился и повис в воздухе, поигрывая мышцами спины и рук. Висел долго, не меньше двадцати минут, чтобы все зрители, даже те, что стояли поодаль, успели бросить в его шляпу монетки. Вскоре после того представления циркач уехал, а я еще несколько недель приставала к бабушке, допытываясь, не знает ли она таких заклинаний, чтобы можно было летать.

— Нет у нас таких заклинаний, — в конце концов ответила она. — Женщины Роу предназначены для воды, а не для воздуха.

Но Тэйн... Он был не из тех и не из других.

Вздохнув, я повернула к материнскому дому.

Было воскресенье, и семейство Сэверов наверняка уже отправилось на утреннюю службу. К счастью, мне позволили не ходить в церковь после того, как во время одной из долгих и утомительных речей пастора, в которой он обвинял бабушку во всех смертных грехах, я вскочила и во всеуслышание назвала его лгуном.

Огромный дом был пуст, но вместо того чтобы насладиться тишиной и покоем в своей комнате, я уселась на крыльце.

Где же Томми? В доках он не появлялся — после разговора с Тэйном я справлялась о Томми в счетной конторе и вообще у всех, кто попадался на пути. Контора была пуста, и никто из работников его не видел со вчерашнего дня.

Я сложила руки на коленях, покорно ожидая появления Томми или же весточки от него.

Минул час — ничего.

Где же он?

Прошло уже достаточно много времени, и Сэверы могли вот-вот вернуться, поэтому я зашла в дом, поднялась к себе и устроилась возле большого окна, выходившего на Мэйн-стрит.

Может быть, он не хочет здесь показываться. Может быть, он проспал и прибежал на работу после того, как я ушла из гавани. Но он сказал, что придет сюда. И уж кто-кто, а Томми был из тех, на кого можно положиться.

Не знаю, сколько времени я неподвижно просидела, опершись о раму головой. Шея затекла, в глаза будто песку насыпали, голова раскалывалась, а желудок болел так, словно я проглотила целую корзину камней. Но Томми так и не пришел.

Где же он?

К утру все тело ломило, каждая мышца ныла от напряжения и усталости, но я все сидела, ожидая Томми, только кресло придвинула поближе к окну и прильнула лбом к стеклу. От еды отказалась, сославшись на плохое самочувствие.

Должно быть, в какой-то момент я все-таки заснула, потому что разбудил меня все тот же кошмар. Я вновь встревоженно подумала о Томми, который взялся меня выручить, но пропал.

Со стоном я поднялась из кресла, моргая от яркого утреннего света. Хотелось просто потянуться и продолжить ждать, но спазмы будто когтями раздирали желудок, который к тому же урчал как голодный тигр в клетке.

Я попыталась привести себя в порядок, сменила платье. Ну и вид! Лицо бледное, помятое, еще и с красной отметиной на лбу размером с доллар – след от окна. Я чертыхнулась себе под нос и отправилась на кухню.

Верхние этажи дома были погружены в тишину, но стоило спуститься по лестнице, как все оживало. И чем ниже, тем больше шума – шаги и говор прислуги, звяканье кастрюль, шипенье пара. Сегодня сквозь эти привычные звуки прорезался плач.

И в самом деле, на кухне рыдала Люси, девочка-посудомойка, – снова чем-то расстроена.

– Что на этот раз? – спросила я, не узнавая собственный голос. После бессонных ночей он стал каким-то чужим – глухим и надтреснутым.

Люси подняла красное, опухшее от слез лицо. Первое мгновение оно казалось застывшим, как от крайнего потрясения, а в следующую минуту исказилось чудовищной гримасой, словно его скомкала чья-то гигантская невидимая рука.

– Ты! Это все ты-ы-ы! – закричала она, трясая головой, и, не сдерживая рыданий, бросилась из кухни прочь.

– Что это было? – обратилась я к миссис Пламмер, которая сочувственно поцокала языком вслед убегающей Люси.

– Она расстроилась из-за парня, по которому сохнет, – сказала миссис Пламмер. – Конопатый такой. Тот, что не ходит на китов. Говорят, с ним беда приключилась.

У меня внутри все похолодело.

– Томми?

– Он самый, – закивала миссис Пламмер и повернулась к плите, к исходившим паром кастрюлям. – Я всегда ей говорила: не стоит доверять парню, который не бывал в море, он...

– Что с ним? – вскрикнула я, оборвав ее на полуслове.

Миссис Пламмер уставилась на меня в изумлении.

– Какой-то человек из Кина встретил его вчера утром шатающимся по Большому Серому болоту. Он был не в себе, вроде как пьяный вдрызг, и нес какую-то околесицу. Люси узнала об этом от молочника, ну и распереживалась...

Не дослушав миссис Пламмер, я выбежала из кухни в сад, а оттуда опрометью бросилась на Мэйн-стрит.

Что могло случиться с Томми? Я точно знала, что он не пьет, и не могла придумать не единой причины, по которой ему понадобилось бы отправиться к болотам – пожалуй, самому жуткому месту на острове!

Они дугой охватывали северо-западное побережье. Узкая полоска песка и травы отделяла от моря глубокие топи, полные черной жижи, что оставалась ледяной даже в самый жаркий день. Утонуть в болотах – проще простого. И там всегда пустынно – лишь вязкая густая грязь да высокая колючая трава. Что мог там делать Томми?

Бродил, словно пьяный или безумный. Бродил с запиской для бабушки. Томми, которому мать грозила неприятностями, если он вздумает мне помочь...

Я свернула с Мэйн-стрит на Уотер-стрит и увидела знакомую фигуру. Это был он! Осу-
нувшийся, бледный, с мутными глазами, но живой.

– Томми! – Я бегом бросилась к нему навстречу.

Он остановился, посмотрел на меня. На его лице застыло такое странное выражение,
будто весь его мир рухнул в одночасье.

– Томми! Я только что узнала... Что с тобой случилось?

Оглянувшись по сторонам, он кивнул в сторону тисовой аллеи.

– Свернем туда, здесь слишкомлюдно, – буркнул он.

Томми шел, не поднимая воспаленных глаз, сальные волосы свисали на лицо.

– Она тебя нашла? – спросила я шепотом, но Томми отрицательно покачал головой.

– Нет. Я не знаю, что случилось, – произнес он чужим, скрипучим голосом. – Я поло-
жил твою записку в карман и как только вышел за город, словно в омут провалился –
ничего не помню. Очнулся, сидя на крыльце дома Джека Мак-Даффи. Это на окраине города,
последний дом справа, знаешь? Сначала я решил, что, может, съел что-нибудь не то. Встал
и пошел по берегу. И опять провал, а следующее, что помню – стою по колено в болоте, а
мальчишки из Кина вытаскивают меня оттуда за плечи.

Он взглянул на меня испуганно.

– Эвери, твоя мать тогда сказала, что я пожалею, если попробую тебе помочь.

Я сцепила пальцы. Все выглядело так, будто на Томми наложено заклятье. Но как?
Когда?

– Я не смог передать твое сообщение, – Томми достал из кармана мокрую и грязную
записку.

– Ничего, Томми. Я найду кого-нибудь другого. Того, кого мать не заподозрит.

Томми кивнул:

– Тебе надо идти. Да и мне пора в счетную контору. Вчера я был не в состоянии рабо-
тать, но мастер сказал, что если я и сегодня не выйду, то...

– Томми Томпсон! Ты как, уже в порядке, парень?

Из-за угла показался мужчина, подошел к Томми и похлопал его по плечу, усмехаясь.
Это был Майкл Грэйс, гребец из Кина.

– Со мной все нормально, – пробормотал Томми, опустив глаза.

– Вчера я думал, ты спятил! – расхохотался Майкл Грэйс. – Сколько пьяных перевидал
на своем веку, но ни разу не встречал парня, который шатался бы по болоту, да еще с закры-
тыми глазами. Если бы мы не пошли на рыбалку той дорогой, ты бы точно утонул, хоть воды
там было всего по колено.

Он продолжал хохотать и трепать Томми по спине:

– Это тебе кара за то, что не ходишь в море. Увязнуть в трясине – бр-р-р. Даже моя
маленькая Нэн и то знает, что топи надо обходить стороной, а ей и шести нет.

Кровь отхлынула у меня от лица. Я ужаснулась – так вот что случилось! Заклятье моей
матери загнало Томми на болота, чтобы там он и погиб!

Майкл Грэйс вдруг подмигнул мне.

– А ведь ты, Томми, не был пьян, а? Мы все знаем, что ты водишь дружбу с нашей
маленькой ведьмой. Уж не ссора ли между вами вышла, голубки? Может, тебя заколдовали?

Майкл Грэйс откинул голову и затрясся от смеха. У меня же сердце ушло в пятки.
Островитяне не должны даже заподозрить, что на Томми наложили чары. Репутация семьи
Роу и так упала за последние годы. Что сделают местные, если узнают, что мы накладываем
заклятья на своих?

Томми дернулся и грубо сбросил его руку.

– Эвери тут вообще ни при чем, – сердито сказал он, и улыбка тотчас сползла с лица
Майкла Грэйса.

– Эй, парень! Да это же шутка!

– Случилось то, что случилось, вот и все! – горячился Томми. – И нечего придумывать лишнее!

– Ну, давай, парень, продолжай в том же духе, – с угрозой произнес Грэйс. – Посмотрим, что с тобой станет, если будешь так разговаривать со мной...

– Я уже все сказал, – Томми покраснел. – Я был пьян, и Эвери здесь ни при чем. А тебе стоило бы подумать как следует, прежде чем болтать такое о Роу.

– Томми... – я примирительно коснулась его руки.

Майкл Грэйс прищурился, лицо его потемнело от гнева.

– Хорошо же ты отблагодарил меня! Да если б не я, ты был бы уже мертв. И ты сам знаешь, что это так!

Он развернулся и пошел прочь, бросив через плечо:

– Странный ты, Томпсон, очень странный. Боюсь, тебя еще ждут неприятности – помяни мое слово.

Томми едва не кинулся за Грэйсом, но я ухватила его за рукав. Никогда не видела, чтобы он был так взвинчен и сам напрашивался на драку. Впрочем, я и не слышала прежде, чтобы он врал. И сделал это ради меня. И наплевать ему, что Майкл Грэйс теперь наверняка расскажет каждому встречному, что Томми съехал с катушек.

– Томми, ведь у тебя могут быть проблемы! – воскликнула я, хотя в душе испытала невероятное облегчение. Докеры будут считать Томми сумасшедшим, но зато о заклятье никто и не подумает.

Томми пристально смотрел вслед удаляющейся фигуре Майкла Грэйса. Каждый мускул на его лице был напряжен, но затем он выдохнул, расслабился и взглянул на меня.

– Я не хочу, чтобы они считали, что ты замешана в этом деле. – Томми тряхнул головой и перевел взгляд в сторону доков. – Пожалуй, лучше поспешить в счетную контору, пока Майкл Грэйс не растрепал там про меня всем подряд. А тебе и вправду нужно найти кого-нибудь другого, чтобы передать сообщение. И поторопись, пока твоя мать не заколдовала весь остров.

Я с благодарностью пожала руку Томми.

– Все будет в порядке, – снова сказал он, хотя выглядел так, будто сам в это не верил.

Томми пошел к докам, а я, подобрав юбки, поспешила к дому матери. По пути я все время обдумывала наш разговор. Одна мысль не давала покоя: как мать успела так быстро нас вычислить и наложить заклятье? Как она вообще могла узнать об этом? Неужели ей кто-то рассказал? И когда она...

Я остановилась. От внезапной догадки по коже пошли мурашки.

...Пока твоя мать не заколдовала весь остров...

Томми сказал, что почувствовал себя дурно, едва покинул город. Не тогда, когда решил отправиться к бабушке, как это было со мной, а когда дошел до определенного места. Я закрыла лицо руками, чувствуя, как по щекам струятся горячие слезы.

Как я могла быть такой глупой? Ведь существуют заклятья на особые места для особых людей, а я совсем забыла об этом. Моя бабушка тоже частенько их использовала. Например, рядом со своим домом она закопала железный кол, обернутый в холстину, заговорив его против тех, кто вздумает ее ограбить.

Похоже, чары матери были направлены не на Томми. Зачем ей это, если можно сделать проще? Заколдовать места, которые ведут из города, связать магическую сеть, которая поймает каждого, кто попытается выйти из Нью-Бишоп, чтобы отнести бабушке письмо от меня. Каждого. А значит, больше никаких посланий.

Никакой помощи.

Я в ловушке!

На мгновение мне показалось, что земля ускользает из-под ног, и я оперлась о кирпичную стену, чтобы не упасть. Колени подкосились. Словно штормовой волной, меня накрыла паника от одной лишь мысли, что я никогда не смогу сбежать от матери, не доберусь до бабушки и не смогу предотвратить события, которые пророчил мне сон!

Не в силах больше стоять, я опустилась на землю, уткнулась лицом в ладони и, вцепившись зубами в рукав платья, что есть мочи закричала. И продолжала кричать, кричать, кричать... пока не охрипла и не стала задыхаться. А когда, наконец, перестала, поднялась на ноги и пнула ногой кирпичную стену с такой силой, что взвизгнула от боли. Прижавшись лбом к холодным шершавым кирпичам, я чувствовала, как во мне клокочут ненависть, отчаяние, страх и ярость.

Во всем виновата мать! Она держит меня в этом городе, как в плену. Она сделала так, что сбежать невозможно. Она едва не убила моего единственного друга! Он чудом остался жив! И я заставлю ее заплатить за это.

Временами, когда я особенно сильно злюсь на мать, мне нравится представлять ее огромным и бескровным существом в пучине океана. Существом, похожим на гигантского кальмара. Я так и вижу, как она сидит одна, в темной ледяной воде, поджав липкие щупальца.

Гигантский кальмар живет на огромной глубине, где человеку его не достать, сколько ни ныряй. Только киты могут запросто всплывать на поверхность и уходить на самое дно, где, оглушив кальмара мощным ударом и подцепив его зубами, вытягивают бесформенное, дрожащее тело на поверхность. Кальмар сопротивляется, пытаясь вцепиться в своего врага острым клювом и оставляя на его гладкой коже следы присосок. Однажды моряки с китобойного судна поймали такого кальмара – кракена. Они приволокли добычу в доки и вывели на всеобщее обозрение. Кожа кракена, который, как известно, не переносит света, оказалась полупрозрачной и бледно-серой, тело испускало зловонный запах гнили и выглядело рыхлым и вздутым.

Вот так я и представляла себе мать – монстром на дне океана, водяным пауком, который огромными щупальцами захватывает стаи рыб и топит корабли, разрывая их на части. Но пока я бежала по мостовой, стуча каблуками, себя я воображала китом с гладкой и блестящей кожей, китом, стремительно рассекающим воды океана. И каждый мой шаг казался очередным футом в глубину. Я была китом, быстрым, сильным и мускулистым, с длинной челюстью и острыми зубами. Я искала свою добычу – жуткого гигантского кальмара, чтобы оглушить его ударом, вцепиться в него зубами и научить держать свои щупальца при себе.

Глава 7

Прежде чем войти в дом, я остановилась на пороге, достала платок и промокнула лицо. Поплевав на ладони, пригладила волосы, которые выбились из косы и теперь торчали во все стороны. Подождала, пока дыхание успокоится, а затем, повернув дверную ручку, вошла.

Спокойно. Надо оставаться спокойной...

Сверху донесся звук торопливых шагов. Затем хлопнула дверь детской. Сэверы уже закончили свой завтрак и разбрелись каждый по своим делам. Дети отправились в игровую, пастор взялся за книги, мать коротала время в гостиной.

Я осторожно затворила дверь и направилась к лестнице, но тут услышала голос матери. Она звала меня – тянула свои тонкие щупальца с присосками, чтобы поймать и подтащить поближе.

Нельзя показывать ей, что я напугана. Спокойно. Мне не страшно.

Она сидела в гостиной, одетая так, словно с рождения привыкла к подобной жизни, – в атласное платье, кремовое в зеленую полоску. Рядом наготове лежала украшенная живыми цветами белая соломенная шляпка – на случай, если вздумается прогуляться. Снизу на полях виднелась тонкая линия – там крепилась вуаль, которую мать отрезала. Она проделала это со всеми шляпками. Даже когда вуали вошли в моду, она никогда не прятала под ними свой шрам, словно он был ее особенностью, своеобразным украшением. Невзирая на шрам, а может, и благодаря ему, внешность матери отличалась какой-то необычной, ужасающей красотой. И сейчас, в этом наряде, в лучах солнечного света, с нежно розовеющими щеками, она выглядела словно картинка из дамского журнала.

– Не твои ли шаги я слышала утром? – спросила она медовым голосом. – Это ведь была ты? Куда ты ходила?

– Никуда, просто прогулялась, – буркнула я.

Спокойно. Спокойно. Спокойно.

Что-то блеснуло в ее руке. Перо. Длинное, острое и тонкое. У нее на коленях лежал раскрытый альбом. Помимо прочего, мать пыталась увлечь меня и рисованием, восклицая, что так я смогу облагородить свой дух, открыть истинную красоту мира. Ей и невдомек было, что, если хочется увидеть подлинную красоту, то нужно всего-то дойти до бабушкиного дома на скалах и оттуда полюбоваться утренним солнцем, которое медленно поднимается над морем.

– Утром я слышала шум на кухне, – заметила она как бы между прочим, не отрываясь от рисования. – Одна из служанок слишком близко к сердцу приняла новость о том, что Томми Томпсон пытался утопиться в болоте.

Лицо ее казалось безмятежным, но я знала, что она напряженно ждет моего ответа.

– Все-таки это правда? – делано удивилась я. О, чудо! Мой голос прозвучал абсолютно спокойно. И не скажешь, что сердце так и скачет. Я невозмутимо глянула в лицо матери и уловила чуть заметное волнение, а может, и замешательство. – Я слышала, что Томми напился вдрызг. Думаю, он и сам не понял, как оказался на болоте. Наверняка решил, что он дома, и собрался принять теплую ванну.

Мать сдержанно улыбнулась.

– Ну... С этими сплетнями никогда не разберешь, что выдумки, а что правда.

Она пожала плечами и снова принялась за рисование. Но вдруг отвлеклась и опять заговорила:

– Ходят слухи, будто кое-кто считает, что Томми заколдовали. Слышала об этом что-нибудь?

Ненавижу ее. Ненавижу! Мне хотелось заорать на нее, лгунью, притворщицу, лицемерку, которая строит из себя добропорядочную леди, заботливую и благочестивую, точно она не имеет никакого отношения к происходящему! Хотелось подскочить к ней, вырвать из рук альбом, разорвать в клочья и орать, орать, орать на нее! Крикнуть ей, что она чуть не убила Томми! Однако я знала, что за этим последует. Она взглянет на меня холодно, словно стараясь запугать, и вынудит признаться, что я осмелилась бросить ей вызов, а затем под каким-нибудь благовидным предлогом соберет мои вещички и отправит меня на материк. Навсегда. Лишь бы оградить от магии. Ну уж нет, если я хотела победить мою мать, то надо было ей подыграть. Так что я даже не моргнула.

– Да, кто-то говорил мне, – кивнула я, не сводя глаз с ее неподвижного лица, похожего на маску. – Но я ответила, что это невозможно, потому что на острове всего три Роу. Бабушка никогда бы не навредила докеру, у них и дел-то общих нет. Я не умею наводить такие чары. Ну а ты отреклась от магии навсегда, каждый знает. – И вот тебе, мамочка, получи: – Если, конечно, ты не передумала. Но тогда, полагаю, об этом захочет узнать наш добрый пастор. Ведь он всегда говорил, что любое доказательство твоего колдовства немедленно станет поводом для развода.

Она не шелохнулась, я тоже не двигалась. А затем заметила короткую вспышку на кончике ее пера. Мать вздрогнула. Я же в душе ухмыльнулась.

– Мило с твоей стороны, что ты их одернула, – выдавила она и прокашлялась. – И я очень рада, что с Томми сейчас все в порядке. Бедный юноша. Надеюсь, его печальный опыт послужит примером для других. Пусть они знают, как опасно... напиваться. Эти мальчишки все считают забавой, пока не увидят, как кто-нибудь из них разрушил свою жизнь.

В голосе матери сквозило участие, но взгляд оставался ледяным и жестким. Я больше никогда не рискну передать записку с кем-то из парней. Никогда не поставлю под угрозу наши отношения с островитянами. Она это знала и наверняка думала, что одержала верх.

Но все-таки на острове был один человек, который сумел бы мне помочь. Поэтому я улыбнулась ей и проворковала:

– Ты же знаешь, здесь многие любят выпить!

С этими словами я вышла из гостиной, а спустя пять минут уже неслась обратно к докам. Домчалась, едва дыша. Каждый встречный норовил поговорить со мной о Томми, но я едва кивала, пропуская их слова мимо ушей. У меня был единственный шанс победить мать и вырваться к бабушке, избежать смерти и стать настоящей ведьмой острова Принца.

Я искала Тэйна. И нашла почти сразу. Он пил воду. Пил жадно, а на его руках, покрытых причудливыми татуировками, блестели капельки пота. Увидев меня, Тэйн нисколько не удивился, не задал никаких вопросов, словно знал, что я вернусь.

– Ты действительно сможешь это сделать? – спросила я, задыхаясь. – Не лги мне. Скажи правду: ты сможешь снять заклятье моей матери?

Тэйн бросил на меня взгляд и затем кивнул:

– Смогу.

– Она очень сильная ведьма. Тебе придется придумать кое-что получше, чем простой амулет. – И добавила в отчаянии: – Если та вещьца – единственное, на что ты способен, ничего не выйдет.

Он помолчал немного, затем повторил:

– Я смогу это сделать.

– Тогда мне нужно, чтобы ты приступил поскорее. Прямо сейчас. Или завтра. И старался каждый день, пока не получится.

– Договорились, – согласился он. – А ты взамен будешь читать мои сны.

Это не было вопросом, но на всякий случай я кивнула, хотя моя голова и так дергалась от нервного напряжения. Тэйн замер. С ковша в его руке капала вода. Он нахмурился.

– Вчера ты сказала, что твое положение не такое уж отчаянное, чтобы принять мою помощь... мою магию. Что-то случилось?

С губ сорвался нервный смешок.

– А сам как думаешь? Да, теперь я в отчаянном положении. Так что врать тебе не стану, потому что ты – моя последняя надежда.

Глава 8

Я стояла у витрины универмага «Льюеллен». Прильнув к стеклу, разглядывала аккуратно разложенные на золотистом бархате бутылочки торговой марки «Най», Нью-Бишоп, Массачусетс, США. «Масло – для смазки, полировки, чистки, удаления ржавчины», – значилось на этикетке.

Я читала эту надпись снова и снова, усилием воли заставив себя спокойно стоять на месте, вместо того чтобы истерически метаться по тротуару взад-вперед, расталкивая прохожих.

Тэйн опаздывал. Накануне мы условились встретиться у дверей универмага ровно в два часа дня – лучшее время, чтобы незаметно улизнуть из дома. Правда, вернуться надо не позже половины четвертого, а я ждала уже минут десять и начала нервничать.

Вздохнув, я снова уставилась в отполированное стекло, в который раз пересматривая товар на витрине. Все, что здесь продавалось, было так или иначе связано с китами, и не только потому, что наш остров считался китобойным. Любой крупный универмаг страны торговал товарами, для изготовления которых убивали животных. Каждая богатая леди непременно имела баночку с китовой амброй, которую втирала в запястья и шею. Она носила корсеты из китового уса. Китовая кожа шла на зонтики, которыми дама защищала личико от дождя и палящего солнца. Щетки, расчески, заколки на ее туалетном столике – все они были сделаны из кита. Ботинки ее мужа сверкали от ваксы с добавлением китового жира. Им же смазывались колеса экипажей, чтобы те не скрипели. Фабрики, коптящие небо вдоль всего Восточного побережья, и вовсе не могли обойтись без ворвани. Станки, инструменты, рабочие детали – все это нуждалось в регулярной смазке. Китовым жиром заправляли лампы, освещавшие заводские цеха, и уличные фонари. Даже садовые удобрения делали из перемолотых китовых костей. Клей и средства для удаления ржавчины, утонченный изысканный парфюм – во всем есть хоть капелька кита.

Как бы люди жили, не будь китов? И что бы они сказали, узнав о том, что хорошо известно нам, островитянам: из-за этих зонтиков, корсетов, мыла и амбры китов становится все меньше? А потребности все растут, и слабая ведьма больше не может защищать своих островитян как прежде. Чтобы поймать кита, морякам нужно нечто большее, чем просто удача и мастерство. Им нужна магия. Им нужна я.

– Эвери!

Услыхав шаги за спиной, я подскочила. Но, узнав Тэйна, с облегчением выдохнула, которое, впрочем, немедленно сменилось раздражением – он порядком опоздал.

– Извини, – сказал он, не дав мне открыть рот. – Я не знал, что сюда придется так долго идти.

Он сдернул с плеча сумку и достал из нее бутылку зеленого стекла.

– Не здесь, – остановила я его. – Идем скорее, у меня времени в обрез.

Я толкнула красную дверь рядом с витриной, однако это был не вход в магазин. Сразу за ней начиналась лестница, которая вела на второй этаж.

– Можешь сказать, что мы тут делаем? – спросил Тэйн, поднимаясь следом за мной.

– Может, и объяснила бы, приходи ты чуть раньше, – прошипела я.

– Ну, я же...

– Тс-с!

Мы поднялись на второй этаж, где была только одна дверь, зеленая, с табличкой, на которой красовалась золоченая надпись: «М. Дюбьяр, учитель музыки и словесности».

В квадрате солнечного света, лившегося через окно, стояло кресло. В нем дремал разомлевший от тепла огромный краснолицый мужчина с поразительно маленькими ногами, а

его длинные светлые усы колыхались при каждом вздохе. Я пересекла комнату, подошла к нему и легонько потрепала за руку.

– Месье? – позвала я. – Месье!

Он вздрогнул и уставился на нас, удивленно моргая спросонок, пока, наконец, не узнал меня.

– Excusez-moi! – подскочил он. – Allons, commençons¹.

Он метнулся к черному роялю в углу комнаты, откинул крышку, но я потянула его за рукав.

– Нет, нет, монсеньор. Мы с вами договаривались вчера, помните?

– А! Мадемуазель Рой! Oui, oui. Ah... Avez vous pensé au vin²?

Я оглянулась на Тэйна. Он чуть замешкался, затем, сообразив, снова вытащил из сумки бутылку. Глаза месье Дюбьяра тотчас вожаделенно вспыхнули. Он поднялся с банкетки и направился к нам с распростертыми руками.

– Вы оставляете нам комнату на час, так? – спросила я, и он утвердительно кивнул.

– Je vous laisse maintenant. Au revoir!³ – Он подхватил бутылку и, махнув нам на прощанье, удалился через боковую дверь.

– Что это было? – спросил Тэйн, пока я искала место на полу, куда можно было присесть.

– У нас с ним договоренность. Ты сказал, что нам нужно укромное место. С понедельника по пятницу я беру у месье уроки французского и музыки. Вчера я предложила ему сделку: он оставляет нам комнату на время моего занятия. А мы каждую неделю приносим ему бутылку красного вина.

– А мать не удивится тому, что твоя игра и твой французский лучше не становятся? – спросил Тэйн, усаживаясь напротив меня.

– Учитывая, что у нас дома нет пианино и по-французски мать не знает ни слова, уверена, что она ничего не заподозрит. – Я взглянула на ненавистное фортепьяно и улыбнулась. – Вот у моей прабабушки Элмиры был настоящий дар к языкам. Наша кухарка говорила, что та могла прийти к докам и запросто переводить для всех иностранцев-моряков и капитанов.

– Полагаю, не бесплатно, – Тэйн насмешливо приподнял бровь.

– Естественно!

Мы расхохотались, и я поймала себя на мысли, что мне нравится его смех.

Здесь, в помещении, я могла рассмотреть Тэйна лучше, чем на солнце. Оказалось, глаза его были не темно-карими, почти черными, как мне казалось раньше, а, скорее, медово-янтарными, с синеватыми искорками у зрачка. Теперь и взгляд его казался более вдумчивым и умным.

Улыбаясь, он снова запустил руку в свою сумку, я с любопытством наклонилась к ней.

– Ты принес что-то против заклатья моей матери?

Он выудил маленькую квадратную тетрадь.

– Нет, мне понадобится еще какое-то время. Я думал, мы пока можем заняться моими снами.

– Вот как? – холодно спросила я. Все мое расположение к нему как волной смыло.

– Я мало что могу сегодня сделать, – он пожал плечами. – Ты должна принести мне какую-нибудь вещь, которая принадлежит твоей матери.

– Почему ты вчера мне об этом не сказал?

¹ Извините! Итак, приступим. (фр.). Здесь и далее прим. переводчика.

² А о вине вы позаботились? (фр.)

³ Я сейчас же уйду. До свидания! (фр.)

– Вчера я еще не знал наверняка. Мы займемся этим завтра.

– Но ведь мы договорились начать сегодня, – как я ни старалась сохранить спокойствие, в голосе уже проскакивали истеричные нотки. Я оперлась кулаками о пол, намереваясь встать, но Тэйн остановил меня.

– Эвери! – произнес он тихо, но твердо. – Тебе придется потерпеть. Я помогу тебе всем, чем смогу. Но ты, как никто, должна знать, что может произойти, если сделать заклинание плохо. Мне необходимо узнать тебя. Нужно прочувствовать магию твоей семьи. Сегодня расскажи о моих снах, а завтра я уже буду готов взяться за дело.

Его слова звучали спокойно, даже ласково – так мужчины обычно уговаривают пугливую лошадь, и хотя я, твердо вознамерилась спорить, вдруг поняла, что он прав. Чтобы лучше понять магию Роу, ему нужно дополнительное время. Не знаю, что больше повлияло на меня – его доводы или сама интонация. На моей памяти только одному-единственному человеку удавалось так же быстро остудить мой пыл – бабушке. Но в ее случае, уверена, без магии не обходилось.

– Ну, ладно, сделаем так, как ты говоришь, – пробурчала я угрюмо, словно обиженный ребенок.

Тэйн засмеялся, и звук его голоса снова вызвал во мне странное волнение.

– Вот. – Он раскрыл на коленях тетрадь и разгладил ладонью разбухшие от влаги, покорбившиеся страницы. – Начнем сначала, ладно? Это я записал на другой день после того, как побывал у шамана.

Он прокашлялся и стал читать:

– Я бегу по прямой, ровной, пустынной дороге.

Я закрыла глаза, позволяя его словам проникнуть в меня и почувствовала, как постепенно открывается значение сна.

– Дорога уходит прямо в небо, и вот уже я бегу среди облаков.

Я открыла глаза и покачала головой:

– Нет!

– Это правда!

– Здесь ничего нет.

Он сник:

– Это что, не работает?

– Не в этом дело, – я в нетерпении покачала головой. – Этот сон мне не нужен. Рассказывай следующий.

– Но, Эвери, откуда тебе знать? Любая, даже самая маленькая деталь может быть очень важной.

Я шумно выдохнула и, поджав губы, процедила:

– Этот сон ничего не значит. У меня нет лишнего времени на бессмысленные видения. Рассказывай другой.

Тэйн взглянул на меня и закрыл дневник.

– Объясни, – упрямо сказал он.

– Хорошо. Сон означает, что ты встретишь корабль, отплывающий в Штаты. Корабль называется «Модена».

– О! – Его брови поползли вверх.

– Теперь мы можем продолжать? – резко спросила я, барабанив пальцами по полу.

Тэйн снова раскрыл тетрадь, перевернул страницу.

– По крайней мере, мы знаем, что сны говорят о будущем, – сказал он.

– Естественно.

Тэйн помедлил, потом спросил:

– А что, если бы я побывал у шамана на следующий день после моего сна, узнал от него про «Модену» и решил пойти на другое судно? Тогда ночное предсказание стало бы неправдой?

Я скрестила руки на груди.

– Все совсем не так. Раз тебе суждено было оказаться на «Модене», на нее бы ты и попал.

– Но если бы я решил изменить будущее? – Его глаза загорелись. – Если бы ты сказала, что ждет меня в будущем, у меня был бы выбор, разве нет? И я мог бы изменить что-нибудь.

– Все так думают, но никто не может это сделать. Не было такого, чтобы мое предсказание не сбылось.

– Но...

– Ты не понимаешь. Сны не рассказывают о событиях, которые могут произойти, а могут и нет. Они говорят только о том, что действительно случится.

– Я думал... – Тэйн оборвал себя на полуслове, но затем продолжил: – Ладно, допустим, ты напророчила кому-то...

– Два года назад я предупредила одного китобоя, что ему в шею вонзится гарпун и он умрет. Он навсегда бросил промысел и к докам с тех пор даже близко не подходил. Дальше – больше: он переехал в маленький городишко Санта-Фе, в котором едва ли вообще слышали о китах. Однажды его подружка пришла к нему на день рождения с большим подарком. Она увидела, что он задремал на крыльце дома, и не придумала ничего лучше, чем подкрасться поближе и заорать: «С днем рождения!» От неожиданности он испугался, подскочил и упал на нее, вернее, на ее подарочек. А через десять секунд умер, захлебнувшись собственной кровью. Как ты думаешь, что было у него в шее?

Тэйн ответил не сразу.

– Кажется, догадываюсь...

– Его подружка каким-то образом пронюхала, что в прошлом он был китобоем, и решила преподнести ему особый сюрприз. Заказала у кузнеца гарпун.

Тэйн покачал головой.

– Но если бы ты не растолковала ему тот сон, китобой не переехал бы...

– Ты не понял. Это произошло бы в любом случае. Не там, так в другом месте. На берегу, в баре или посреди океана – все равно. Я не сказала, что он умрет в маленьком и пыльном городишке, где его глупая подружка, вообразив, что море – это сплошная романтика, сунется к нему с гарпуном в самый неподходящий момент. Я не видела в его сне ни деталей, ни места, ни времени. Я прочла только то, что однажды гарпун вонзится ему в шею и он умрет. Китобой попытался изменить свое будущее и не смог. Неважно, как далеко он сбежал. Все они пытаются, все, у кого в будущем должно случиться что-то плохое. И еще никому не удалось...

Щеки пылали. Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Внезапно я почувствовала себя глупо, так глупо, что едва не заплакала.

– Эвери? – Тэйн робко прикоснулся к моей руке. Я отвернулась и смахнула выступившие слезы.

– Я понимаю, – произнес он тихо, – но считаю, что мы должны суметь изменить нашу судьбу. Как ты думаешь?

– Не знаю... Разве имеет значение, что я думаю?

Он ничего не ответил, просто сидел, уставившись в пол.

– Есть что-нибудь... – он осекся. – Ты когда-нибудь...

– Слушай, давай продолжим. Нечего время терять.

С минуту он еще помолчал, но затем взялся за свой дневник.

– Хорошо. Как бы то ни было, я хочу, чтобы ты растолковала мои сны. Хотя некоторые из них уже и сбылись, – он взглянул на меня и тихо попросил: – Пожалуйста.

– Ладно, – буркнула я и тут же закусила губу. Уж очень грубо это прозвучало. И хотя я ненавижу извиняться, все же добавила: – Прости. Просто продолжай читать.

Мне не сразу удалось подавить раздражение, но чем больше Тэйн читал, чем спокойнее тек его тихий голос, тем больше я расслаблялась, впитывая рожденные его снами образы. Мне стало хорошо уже просто от того, что я вошла в свою стихию, где прекрасно знала, как действует моя магия, хотя ни в одном из видений пока не обнаружила ничего интересного.

Большинство из них вообще ничего не значили. Просто сны. Такое уже случалось: порой людям не жаль было расстаться с долларом, лишь бы выяснить, не скрыт ли в самом простом сне глубокий смысл. В журнале Тэйна тщательно, во всех подробностях были описаны сотни историй – за несколько месяцев. Но лишь некоторые из них хоть что-то значили, предсказывая самые обыденные события: «Ты продашь другому вельботу свинью с двумя поросятами», «На следующей неделе ты угодишь в сильный шторм», «Человек из твоей команды украдет у тебя нож». Но Тэйн аккуратно записывал все, что я говорила, и время от времени задавал вопросы:

– Почему одни сны особенные, а другие – нет? Почему иногда ты знаешь точное время, когда что-то должно случиться? Почему не всегда? Как это происходит? В смысле, откуда тебе известно, как читать сны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.